

ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

РУССКОЕ СЛОВО

7/2014
цена 50 крон

ПРОВИНЦИЯ ЦВЕТАЕВОЙ

КАФКА И ПРАГА

СОСТАВИТЕЛЬ СЛОВАРЕЙ
АЛЬФРЕД ВУРМ

ЧЕШСКИЕ ПЕРЧАТОЧНИКИ

«НАРОДНАЯ ВОЛЯ»
ПЕРЕД СОВЕТСКИМ СУДОМ

ЧЕШСКАЯ ДРУЖИНА

ДНЕВНИК
ТАТЬЯНЫ МАШИНСКОЙ

RT+RS
servis

Франц Кафка.
Прага, 1920 год.

6-9

[содержание]

- 3 НОВОСТИ**
Отдых для трудоголиков
- 4 РЕПОРТАЖ**
Марина Цветаева:
с интонацией Чехии
ТЕКСТ: ЕКАТЕРИНА СТАШЕВСКАЯ
ФОТО: ВАДИМ ГРИВАЧ
- 6 ЛИЧНОСТИ ЧЕШСКОЙ КУЛЬТУРЫ**
Кафка и Прага:
90 лет без писателя
ТЕКСТ: ЕКАТЕРИНА СТАШЕВСКАЯ
- 10 ЛИНГВИСТИКА**
Собрание слов и прогресс языков
ТЕКСТ: СВЕТАНА МИХЛОВА
Мой учитель Альфред Вурм
ТЕКСТ: СВЕТАНА МИХЛОВА
- 14 ЧЕШСКИЕ ремесла**
Перчатки от слова «персты»: судьба ремесла
ТЕКСТ: МАРИНА ДОБУШЕВА
ФОТО: ВАДИМ ГРИВАЧ
- 18 РЕЖИМЫ И ЛЮДИ**
Виктор Ефимов.
Непарадная биография XX века
ТЕКСТ: НАДЕЖДА ЗИНЧЕНКО
- 26 РУССКАЯ ИСТОРИЯ**
«Народная Воля»
перед советским судом
ТЕКСТ: ВИТАЛИЙ РАУЛ
- 32 100 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ**
Чешская Дружина и ее первые добровольцы.
Часть 11/2. Опальные и забытые
первопроходцы освободительного
движения. Под руководством
Филиала ЧС Национального
Совета в России
ТЕКСТ: АЛЕКСАНДР И ДИНА МУРАТОВЫ
- 38 СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ**
Татьяна Николаевна Машинская.
Из дневника
ПОДГОТОВКА ТЕКСТА: ЕЛЕНА НЕДЗВЕДСКА
- 44 ПРОГУЛКИ**
Остров трех названий —
Barvířský, Slovanský, Žofín
ТЕКСТ: АНАСТАСИЯ КОПРШИВОВА
- 46 РЕПОРТАЖ**
За крепостными стенами
ТЕКСТ: ОЛЬГА ЧЕРКАШИНА
ФОТО: ВАДИМ ГРИВАЧ

[колонка редактора]

**ВАЛЕРИЯ ИЛЬНИЧНА
НОВОДВОРСКАЯ**

(17 мая 1950 — 12 июля 2014)

**«СПАСИБО,
ПАРТИЯ, ТЕБЕ!»**

С тиль этот у нас, журналистов, назывался «стеб». Протест, завуалированный в горькую иронию на тему партии, той партии, в которую никто не верил — как, впрочем, не верили и в то, что ее можно победить. Это породило нигилизм вместо действия. На действие решались немногие. Хотя среди ироничных были в основном думающие и совестливые. Листовку «Спасибо, партия, тебе!» студентка Валерия Новодворская разбрасывала в Кремлевском дворце съездов в 1969 году. Лефортовская тюрьма, принудительное лечение в психиатрической больнице — таково было наказание. Сегодня, 12 июля 2014 года, мы скорбим о кончине Валерии Ильничны Новодворской, словами и действиями выражавшей жесткий протест против всех безобразий, творимых от лица «партии» и ее современных последователей. Она выступала против всевластия КГБ и против незаконных арестов инакомыслящих, резко критиковала РПЦ и активно поддерживала Украинскую революцию. В отличие от многих диссидентов и многих нигилистов, она продолжала упорно сопротивляться реваншу тоталитаризма в России, значит, верила в Россию без этой «партии». Передавая эту веру и нам.

С уважением к нашим читателям,
редактор **МАРИНА ДОБУШЕВА**

[новости]

**ОТДЫХ ДЛЯ
ТРУДОГОЛИКОВ**

Н аши коллеги — женский клуб «Драгоценной жемчуга» — организовали трехдневную летнюю поездку в Судетский край. В первый день вместо намеченной прогулки в лес предпочли концерт известного органиста Йиржи Хлума в костеле св. Марии Магдалины в городе Красна Липа. Во второй с лихвой наверстали упущенное: посетили парк скульптур в Доубицах, совершили восхождение на Правчицку Брану, занимались дыхательной гимнастикой под руководством тренера Ильеса Машанло, прошли на лодках Эдмундово ущелье, и вечером у кого были силы пришли на тренинг с психологом Мариной Соловаровой. Нагрузка на трассе большая — 18 километров по горной части заповедника Чешская Швейцария. Для самой старшей участницы группы Эльвиры — ей 77 лет — это стало своеобразным достижением, поскольку приходилось идти, поддерживая энергичный темп. На следующий день группа выехала в Нови-Бор, где посетила галерею и цех стекольного завода, а затем отправилась на экскурсию в скальный город Слоуп — здесь путешественников, к их удивлению, ждал маленький концерт и рассказ о средневековых нравах крепости. В 1847 году Слоупом владел император Австрийской империи и король Богемии Франц Иосиф I (его племянник эрцгерцог Франц Фердинанд погиб вместе с женой от рук террористов в Сараево в 1914 году, о чем напоминает мемориальная доска на скале). Далее путь лежал в Йиржетин-под-Йедловой, к шедевру католической архитектуры, непревзойденному Крестному пути. Открытия и познание нового — хороший отдых для тех, кто уже успел оценить чешские «продленные» выходные.

РЕДАКЦИЯ ■

ТЕКСТ: ЕКАТЕРИНА СТАШЕВСКАЯ
ФОТО: ВАДИМ ГРИБАЧ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА: С ИНТОНАЦИЕЙ ЧЕХИИ

28 июня по инициативе «Русской традиции» состоялась поездка по местам в Чехии, связанным с жизнью и творчеством Марины Цветаевой. Желавших отправиться в это путешествие оказалось много. Рассказывал гид Вячеслав Ильяшенко, знающий буквально каждый дом в Праге и окрестностях, связанный с именем поэта.

Символично, что экскурсия началась с места, где Марина Цветаева впервые ступила на чешскую землю, — с пражского Вильсонова (ныне — Главного) вокзала. От него, миновав широкие магистрали, наш огромный автобус (фото 1) углубился в загородные деревушки, где ему приходилось с трудом втискиваться в узкие дорожки, осуществляя простые развороты и вскарабкиваться на крутые горки. Все же мы сумели въехать во Вшеноры — крохотную деревушку, где довольно долго жила и писала Марина Цветаева. Скромный домик на высоком пригорке (фото 2), на ограде которого установлена не менее скромная мемориальная доска, напоминающая о пребывании здесь поэта. Спустившись вниз по улице, мы вышли к костелу, который Цветаева видела из своего окна, когда жила уже в другом вшенорском домике (фото 3). Всего-то 20 километров от Праги, но тут царят тишина, размеренность и спокойствие, не столь часто нарушаемые группами вроде нашей: местные с любопытством здороваются, собаки, как положено, лают за забором.

Над деревушкой Чернолице — Нови Двур (фото 4) делаем остановку — среди леса нашему взору открывается отвесная скала, под которой часто появлялась Цветаева. Здесь она писала стихи, читала, встречалась с русскими знакомыми и просто любовалась чешской природой. Возвращаясь уже затемно с прогулки и видя в каком-то окне свет, говорила: «Там живет

русский студент». Привычки деревенских хозяев-чехов весьма отличались от повадок «странных» русских, гуляющих допоздна и читающих за полночь.

Мельком из окна увидели мы и дом, где в 1925 году у Цветаевой родился сын Георгий (Мур). Дом, к сожалению, не сохранил прежние черты, а в результате какой-то безумной реконструкции новых хозяев превратился в новодел-бункер. Нет уже и дома в деревне Йиловиште (фото 5), где также какое-то время жила Цветаева. Зато платформа станции Вшеноры, откуда Марина Ивановна отъезжала в Прагу и о которой писала Борису Пастернаку, как будто и не изменилась — все те же подслеповатые фонари, безлюдность и чувство одиночества.

В Чехии, помимо стихотворений, Марина Цветаева написала два крупнейших своих произведения — «Поэму горы» и «Поэму конца». Обе неразрывно связаны с пражским Смиховским холмом — горой Петршин. Из окна успели посмотреть мост, где после прогулок Цветаева расставалась с Радзевичем. Поднялись на улицу Шведска (фото 6). И неожиданно для себя обнаружили, что мемориальная доска «В этом доме жила русская поэтесса Марина Цветаева» лишилась слова «советская» — дань переоценкам и новым присвоениям. Расстались во дворике Института письменности в Страговском монастыре (фото 7), где и поныне у бережных чехов хранятся рукописи гениальной русской поэтессы — вернее, поэта, как настаивала сама Марина Цветаева. ■

1

2

3

4

5

6

7

ЕКАТЕРИНА СТАШЕВСКАЯ

КАФКА И ПРАГА

90 ЛЕТ БЕЗ ПИСАТЕЛЯ

Ровно 90 лет назад, 3 июня 1924 года, умер Франц Кафка. Всего через месяц, 3 июля, ему бы исполнился 41 год. Трудно себе представить, какими бы были произведения Франца Кафки, если бы он родился и вырос в другом городе, не в Праге. К счастью или несчастью, судьба распорядилась так, и именно Прага стала для Кафки главным городом, повлиявшим как на тональность его прозы, так и на его внутренний мир, болезненную чувствительность и восприятие окружающего мира.

Отношение Кафки к чешской столице, тогда еще входившей в состав Австро-Венгрии, было крайне непростым. Прага была городом больших перемен, волнений и разногласий, главным образом на национальной почве. Но ничего этого Франц Кафка в своих дневниках не отображает. Политика его практически не интересовала. В Праге Кафка, в отличие от многих своих современников, не видел ничего поэтического, даже наоборот — она олицетворяла собой источник подавления индивидуального начала, угнетала личность и творческие помыслы писателя. Именно поэтому в своих письмах и записях Кафка часто изъявляет желание как можно скорее бежать из города — раз и навсегда. Он не прекращает поиски альтернативного места пребывания, мысленно уносится в Берлин. Кафка недолюбливал Прагу еще и потому, что собственная жизнь в ней казалась ему слишком замкнутой, он чувствовал, будто обитает в забытой богом провинции, на оторванном от мира острове. Хотя он и не стремился к известности, но понимал, что учитывая узость немецкого сообщества в Праге, его литература останется без публики. В чешской столице Кафка был немцем среди чехов и евреем среди немцев. Такая изолированность подкреплялась и обособленностью старого городского района, где он прожил большую часть своей жизни. Национальная, языковая и локальная изоляция сказались на его психическом состоянии и вызвали экзистенциальные трудности. Кафка искал одиночества, был робок и нерешителен, все больше погружался в себя. Однако, не будь у писателя такого видения столицы, его рассказы и романы, в которых мы находим уйму знакомых мест, имели бы совершенно иной привкус.

Франц Кафка принимал активное участие в культурной жизни — нельзя сказать, что Прага его не обогащала — особенно в годы студенчества и в течение последующих нескольких лет.

Культурные мероприятия он посещал либо с друзьями, либо в сопровождении своей младшей сестры Оттлы. После того, как болезнь дала о себе знать, выходил он из дома все реже, в основном, на наиболее значимые для него общественные события. Лишь несколько пражских писателей, пишущих по-немецки (не считая Макса Брода), посещали чешские лекции и театральные постановки. В этом смысле Франц Кафка был неким культурным посредником между немецкоязычной и чешской интеллигенцией. Он любил ходить на спектакли в Новый немецкий театр — Neues deutsches Theater (сегодня — Пражская государственная опера — Státní opera Praha) и Королевский провинциальный немецкий театр (Královské zemské německé divadlo, с 1920 года Сословный театр — Stavovské divadlo) — особенно, когда там играли известные венские артисты. Иногда он посещал и патриотический чешский Национальный театр (Národní divadlo), что в те времена считалось признаком дурного политического вкуса. Здесь он смотрел постановки по произведениям чешских классиков, например, Ярослава Врхлицкого. Однажды его чрезмерно увлек обычный народный театр из Львова, который выступил в староместском кафе «Савой» на Козьей площади. Во время их второго турне он побывал на их представлении раз двадцать, а позже, в своих «Дневниках», посвятил труппе много страниц.

Какое-то время Кафка был сильно увлечен варьете, на что, наверняка, повлияла тогдашняя мода. С этой целью он посещал тогда еще молодой дворец «Луцерна». Выступления эстрадных артистов тоже послужили импульсом для записи собственных впечатлений на страницах «Дневников».

В свои молодые годы Кафка был частым гостем на лекциях по литературе, которые устраивали приезжавшие в Прагу писатели. Много читали вслух, обсуждали, и сам Кафка обожал читать вслух свои и чужие произведения. Его аудитория оставила потомкам

Что теперь? Пойди проверь дама на Увоцной улице.
 Ты безмолвен, никто не входит в него, никто не выходит.
 Я недолго жду — сначала перед домом, а потом на другой
 стороне улицы. Ничего не происходит: дама, как этот,
 намного мудрее, чем люди, глядящие на них...

Город напоминает солнце: в центре города
 концентрирован весь свет, отсюда свет может
 уходить меж домов, улиц. Возможно, однажды, он
 все-таки никогда не сможет вернуться...

У нас всех это по-прежнему живет: темное угло, таинственное
 переулочки, ставни, углы и внутренние дворы, шумные бары и уютные
 трактиры. Мы ходим по широким улицам недавно отстроенного
 города. Но наши шаги на наших улицах неуверенные. Внутри мы
 дрожим — точно так же, как и раньше на старых улицах наших
 мучений. Наше сердце не ведает ничего о достигнутой расчистке
 тротуаров. Болезненный еврейский город в нас куда реальнее,
 чем новый, здоровый город вокруг нас. Бодрствующее,
 мы передвигаемся в нем — в одиночестве, словно по земле
 фантастов минувших дней.

Франц Кафка

ГЛАВНЫЕ ПРАЖСКИЕ АДРЕСА ФРАНЦА КАФКИ

ценные воспоминания о его удивительных голосовых возможностях при декламации, особой выразительности и ритмическом членении текста. Возможно, Еврейская ратуша в пражском районе Йозефов до сих пор помнит его лекцию об идише.

С огромным удовольствием Франц Кафка посещал пражские кинозалы. Писатель был страстным почитателем недавно изобретенного кинематографа, он был восхищен техникой «театра живых фотографий», в которой искал не только забаву, но и новые знания.

Кафка прекрасно говорил и читал по-чешски. Во время переписки с Миленой Есенской он часто покупал только что появившийся пражский ежедневник «Трибуна» (Tribuna), для которого писала и сама Есенская. Полистывал он и чешский лингвистический журнал «Наша речь» (Naše řeč), журнал для чешских скаутов «Наш скаут» (Náš skautík).

Во времена Франца Кафки основным местом для бесед, обмена мнениями, создания и закрепления новых дружеских отношений были кафе. В одном только центре Праги — в Старом и Новом Городе — их были десятки. Чаще всего каждое из них имело своих постоянных клиентов, которые подпадали под самые разные

социальные категории. И молодого Кафку нередко можно было встретить в таких кафе. Здесь устраивали важные встречи, черпали вдохновение, находили развлечения и отдых, писали, спорили... По воспоминаниям современников, Франц Кафка не бросался в глаза, был неприметен, выделялся особым умением тихо и внимательно слушать. Популярными были литературные кафе, которые тогда только-только появлялись (например, кафе «Арко» на углу Гибернской и Длажденной улиц, «Унионка» на Народни тржиде). Здесь встречались представители пражского литературного бомонда — причем обоих лагерей: чешского и немецкого. Роль посредников часто выполняли евреи, владевшие и тем и другим языком.

Большую часть своей жизни Франц Кафка прожил в самом центре Праги — в Старом Городе, недалеко от бывшего еврейского гетто. Несмотря на то, что семья постоянно переезжала, каждая новая квартира находилась в непосредственной близости от Староместской площади. Родители Кафки, таким образом, оставались верными местам, где они так сильно прижились, обосновали свое торговое дело и привлекли к себе чешских, немецких и еврейских клиентов. Все попытки приобрести собственное жилье и хоть немного стать независимым Францу не удалось. ■

ЦИТАТЫ:

«Вдалеке я вижу город. Вы его имели в виду? Возможно. Все же, я не понимаю, как вы могли различить город там, где, даже если вы мне на него укажете, я вижу лишь несколько туманных контуров во мгле. Ах да, я его вижу, вон холм с замком, а на склоне поселение, напоминающее деревню. Значит, это город — в известном смысле большая деревня, вы правы».

«Это город посреди городов, чье прошлое значительнее настоящего, но он, все же, по-прежнему поразителен».

«Там темные, узкие переулки, забытые богом дома с переходами, скромная площадь погрузившаяся в сумрак и холод».

«Ты, небо... а что до тебя, Староместская площадь, ты никогда не была реальной».

«Сегодня, в сущности, первый день как я постиг город. Среди этих людей ничего хорошего не может произойти, однако много хорошего происходит с ними».

«Как только я отрывистыми шагам переступил порог, своими луной и звездами на меня напало небо, арочное пространство, Староместская площадь со своей Ратушей, Марианским столбом, церковью».

«В нас всех это по-прежнему живет: темные углы, таинственные переулки, ставни, убогие внутренние дворы, шумные бары и зловещие трактиры. Мы ходим по широким улицам недавно отстроенного города. Но наши шаги и наши взгляды неуверенные. Внутри мы дрожим — точно так же, как и прежде на старых улицах наших мучений. Наше сердце не ведает ничего о достигнутой расчистке трущоб. Болезненный Еврейский город в нас куда реальнее, чем новый, здоровый город вокруг нас. Бодрствующие, мы передвигаемся во сне — в одиночестве, словно полые фантомы минувших дней».

«Что теперь? Пойди проверь дом на Овочной улице. Он безмолвен, никто не входит в него, никто не выходит. Я недолго жду — сначала перед домом, а потом на другой стороне улицы. Ничего не происходит: дома, как этот, намного мудрее, чем люди, глазеющие на них».

«Город напоминает солнце: в центре круга сконцентрирован весь свет, сияние. Человек может блуждать меж домов, улиц. Вошедши туда однажды, он уже никогда не сможет выбраться...»

«Это мой старый, родной город, и я медленно, нерешительно брожу по его улицам».

«Когда мы к утру возвращались домой по Карловому мосту, он был по-прежнему горяч и прекрасен. Я был по-настоящему счастлив...»

«Возможно, мне не суждено пребывать слишком долго на одном месте. Есть люди, способные обрести чувство дома только во время переездов».

«В этом городе я живу уже более двадцати лет. Можете себе представить, что это значит? Каждый сезон я здесь прожил двадцать раз... Деревья здесь росли двадцать лет — как ничтожным под ними становится человек. И все эти ночи во всех домах...»

«На той неделе я действительно был частью своей улицы, которую я называю „Улица самоубийц“...»

«Прага не отпускает. Ни одного из нас. У этой старухи есть когти. Приходится поддаваться. Нам ее нужно было бы поджечь сразу с двух сторон: на Вышеграде и на Градчанах — только тогда было бы возможным уехать».

Перевод с английского: ЕКАТЕРИНА СТАШЕВСКАЯ

U RADNICE 5 (1883—1885).
Здесь Кафка родился. Дом был перестроен во время асанации Йозефова. Сохранился только входной портал.

VÁCLAVSKÉ NÁMĚSTÍ 56 (1885).
Дом не сохранился. В 1927 году на его месте построен Palác Fénix, здание в стиле функционализма, охраняется как памятник архитектуры. На фото: вид на Вацлавскую площадь с рампы Национального музея, 1895 год.

DUŠNÍ V/187 (1885—1887).
Дом не сохранился. Был снесен во время асанации Йозефова. На фото: улица Dušní в 1911 году. Архив города Праги.

MIKULÁŠSKÁ TŘÍDA 6 (1887—1888).
На фото Староместской площади 1895 года в центре — дом 935/6. Снесен во время асанации Праги. На его месте в 1901 году построен Oppeltův dům.

CELETNÁ 2, DŮM U SIXTŮ (1888—1889).
Один из самых старых домов в Старом городе (около 1220 года).

STAROMĚSTSKÉ NÁMĚSTÍ 2, DŮM U MINUTY (1889—1892).
Дом XV века, украшен росписями в технике сграффито. Во времена Кафки выглядел иначе — был оштукатурен.

CELETNÁ 3, DŮM U TŘÍ KRÁLŮ (1892—1907).
Семья Кафки жила на третьем этаже с видом на Тынский храм.

MIKULÁŠSKÁ TŘÍDA 36, DŮM U LODI (1907—1913).
Дом сильно пострадал при артобстреле в 1945 году и был снесен. На его месте стоит гостиница Интерконтиненталь.

STAROMĚSTSKÉ NÁMĚSTÍ 6 (сегодня №5), OPPELTŮV DŮM (1913—1924, с перерывами в 1914—1918 годах).
Семья Кафки жила на самом верхнем этаже. Реконструирован в 1946 году, но без этого этажа.

ZLATÁ ULIČKA 22, (ноябрь 1916—март 1917).
Самое известное из мест, где Кафка жил. Здесь он написал почти все свои рассказы, изданные в 1920 году в сборнике «Сельский врач».

СВЕТЛАНА МИХЛОВА

СОБРАНИЕ СЛОВ И ПРОГРЕСС ЯЗЫКОВ

На красивой площади в центре Праги на высоком постаменте, помещается величественный памятник Йозефу Юнгманну. Далеко не каждый иностранец знает, что Юнгманн (1773–1847) попал на постамент, прежде всего, благодаря своему словарю. Пятитомный чешско-немецкий словарь, состоящий из 120 тысяч словарных статей, должен был доказать, что чешский язык не хуже немецкого и что им следует пользоваться во всех случаях жизни, а не переходить на немецкий, как только разговор заходит о «высоких материях».

Конечно, для становления полузабытого и остановившегося в развитии чешского языка Йозеф Юнгманн сделал многое, но и сегодня составители словарей часто делают важную, необходимую человечеству работу, требующую особой внимательности, аккуратности, усидчивости, больших филологических и математических способностей, неукоснительного соблюдения логики, систематичности, понимания стилистики и многого другого, но никто ни только не ставит им памятники, но и не интересуется их именами. Труд лексикографов плохо оплачивается, а иногда и вообще не оплачивается, качественные проекты не всегда получают возможность воплотиться в книгу, тогда как издания, представляющие собой не новое, а украденное из солидных, более полных работ нередко получают зеленую улицу.

Современный человек очень спешит: пользователю удобнее всего включить систему электронного перевода — и ответ готов сразу, несмотря на то, что бесплатные электронные словари и переводчики часто выдают невероятную чепуху. Качество не всегда стоит на первом месте. Достаточно кое-как понять текст и получить его «рабочий», приблизительный иноязычный эквивалент. Однако бывают и случаи, когда «рабочий» перевод недостаточен: нужно перевести термин, редкое слово. Желающий получить точный ответ вынужден тратить много времени в поисках необходимого, редкого, сокрытого. Какие же словари можно порекомендовать изучающему чешский язык, нуждающемуся в правильной и подробной информации?

Толковые словари могут сослужить хорошую службу. Неплохо проконсультироваться в многотомном Словаре литературного чешского языка (*Slovník spisovného jazyka českého*), который в течение ряда лет издавала Чехословацкая Академия Наук. Пособие выходило в небольших тетрадях, но сегодня книгу чаще всего можно видеть переплетенной в серую ткань с синей надписью, в таком виде издание представлено в большинстве чешских библиотек.

Конечно, этот словарь, материал для которого начали собирать в 30-е годы прошлого века, уже несколько устарел, но пока ему нет равных по объему. Нормативным словарем чешского языка, однако, является всего лишь однотомное издание, несколько раз выходившее в издательстве *Academia*. Оно называется «Словарь литературного чешского языка» (*Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*), и его следует, конечно, покупать в новейшем, самом последнем издании. Этот словарь можно найти и в электронном виде с помощью системы DEDiCT, но не стоит надеяться, что компьютер сможет бесплатно скачать все, что вам понадобится.

Самым большим двуязычным переводным словарем, который, возможно, вам будет нужен, является «Большой русско-чешский словарь» под редакцией Л. Копецкого, Б. Гавранека и К. Горалека, начавший выходить в 1952 году. Этот словарь является переводом многотомного академического «Словаря современного русского языка», который, хоть и сделан на высоком уровне, не отражает большого пласта современной лексики. Однако двухтомные «Чешско-русский» и «Русско-чешский» словари, выходившие в 1970-е годы под редакцией того же Леонтия Копецкого в рамках совместного проекта пражского

Памятник Йозефу Юнгманну был установлен в 1878 году. Скульптор — Людвик Шимек, архитектор — Антонин Виктор Барвитиус.

издательства SPN и московского энциклопедического издательства, позднее издательства «Русский язык» — это отличные пособия с прекрасным грамматическим приложением, которое, конечно, хотя и не поможет вам перевести новейший технический термин, но зато отлично подойдет для решения многих обычных переводческих задач.

Для тех, кто владеет чешским языком, но не имеет достаточного словарного запаса, прекрасным пособием может служить 4-х томный *Český slovník věcný a synonymický*. Книжки начали выходить в 1969 году в издательстве SPN. К сожалению, словарь составлен тематически, поэтому вы найдете далеко не все слова, которые бы могли вас заинтересовать, но зато то, что вы там найдете, подается исчерпывающим образом. Для журналистов, пишущих на чешском, эта книга сможет быть хорошим помощником. К толковым словарям следует отнести и фразеологические словари, необходимые для всех, кто хочет по-настоящему овладеть языком. Опять же в издательстве *Academia* в 1980-е годы выпустили многотомный толковый словарь, получивший название «Словарь чешской фразеологии и идиоматики» (*Slovník české frazeologie a idiomatiky*). Это очень подробное, прекрасно разработанное издание, и вышло оно тоже в течение ряда лет. К сожалению, как и в случае с выше названным пособием, не весь заслуживающий того материал удалось использовать в изданных книгах, большая часть так и осталась в недоступных читателю картотеках.

Антонин Махек. Портрет Йозефа Юнгманна. 1833 год. Национальная галерея, Прага.

Случаи, когда, несмотря на буквально подвижническую жизнь автора или авторов, словарь так и останется в рукописи, не единичны. Печальная участь, к примеру, постигла фундаментальный труд, который начал Альфред Вурм в Праге еще во время нацистской оккупации, так что, можно сказать, буквально с риском для жизни. Он задумал большой чешско-русский и русско-чешский фразеологический словарь, т.е. словарь устойчивых словосочетаний. Над проектом (бесплатно!) работало несколько поколений филологов, они составили огромную картотеку, но единственное, что удалось издать до сих пор, это чешско-русская часть, вышедшая после смерти основного автора в г. Оломоуц.

Особой категорией словарей, помимо толковых, переводных, частотных, орфографических, словарей синонимов, антонимов, омонимов, неологизмов, пословиц, ассоциаций, иностранных слов, цитат, имен собственных, сокращений, рифм, обратных словарей, словарей для детей, энциклопедических, многоязычных, иллюстрированных словарей и прочих и прочих категорий,

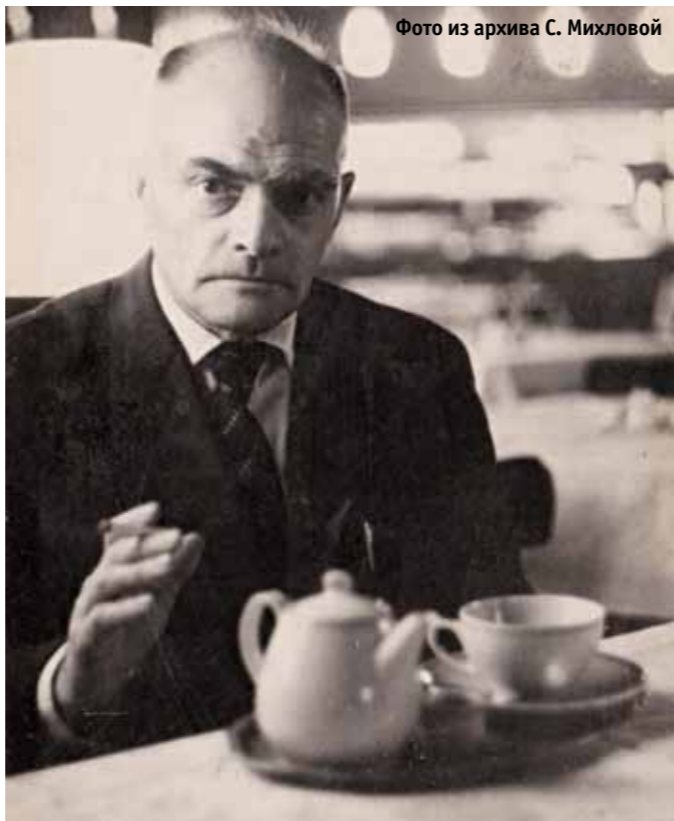
является категория словарей писательского языка. Что касается русского языка, то самым известным словарем такого порядка, вышедшим из печати в 1950-е годы, явился «Словарь языка Пушкина». Книгу можно частично сравнить со словарем Юнгманна, потому что она показывает, каким «строительным материалом» располагал русский язык середины XIX века, обогащенный Пушкиным и поднятый им на высоту французского. Конечно, Юнгманн работал совсем в других условиях: формирование чешского языка тогда было живым процессом, и ученому нужно было создать множество новых слов, часть из которых не закрепились в языке. Словарь языка Пушкина — это издание *post factum*, авторы выписали из всех доступных пушкинских текстов абсолютно все слова, включая, например, предлоги и местоимения, и создали толковый словарь, отражающий все оттенки значения каждого слова поэта. Этот гигантский труд показывает нам богатство словарного запаса эпохи, отражает индивидуальность Пушкина, объясняет многие историзмы. Совершенно ясно, что для создания такого труда всегда необходимо сотрудничество многих специалистов.

Словари языка писателя могут быть и переводными. Например, в Словарном кабинете Петербургского университета многие годы ведется работа по составлению чешско-русского словаря писательницы Пуймановой (1893—1958). Вот что об этом проекте пишет доцент Санкт-Петербургского университета Т. Е. Аникина: «Остановившись на фигуре Марии Пуймановой, составители чешско-русского словаря руководствовались тем фактом, что в ее творчестве со всевозможной полнотой отразился язык Первой республики, времени, когда Чехия в 1918 году наконец-то получила самостоятельность и была образована Чехословацкая Республика. Творчество писательницы проделало путь от модернизма к реализму, что было свойственно многим талантливым писателям XX века. Кроме того, М. Пуйманова начинала как писатель-импрессионист, а импрессионизм, пользуясь термином А. В. Чичерина, является для чешской литературы этого периода „определяющим стилем эпохи“».

Конечно, сегодня понятно, что Пуйманова как яркий защитник не только социализма, но и сталинизма, была выбрана советской школой и за свои политические взгляды, однако было бы жаль забраковывать работу лексикографов по идеологическим соображениям. Тем более что сегодня существует возможность поместить материалы на Интернет. Кстати, те, кто когда-либо занимался лексикографией, знают, что любая словарная работа со временем перерастает в синонимический и многоязычный словарь.

Появление словаря Пуймановой можно только приветствовать, потому что пособие могло бы продемонстрировать богатство чешского языка указанного периода, объяснить сегодняшним читателям значение многих вышедших из употребления слов, показать значение жаргонных слов, кстати, за чрезмерное применение низкой лексики в авторской речи писательницу в свое время очень ругали.

Ничто так не отражает развитие языка сегодня, как словари вычислительной техники. В англо-русских словарях 70-х и даже 80-х годов вы не найдете русского слова «компьютер», авторы упорно называют его вычислительной машиной, а сокращение РС переводят «перфокарта». Но и остальной словарный запас не стоит на месте, поэтому самый новейший словарь отстает от живого языка, и работа лексикографов никогда не кончается, она будет нужна, пока будет существовать человечество. ■

Я познакомилась с профессором Альфредом Вурмом (Alfréd Wurm) в конце 1970-х годов, когда жить ему осталось считанные годы. Но мы, конечно, об этом не знали и, несмотря на огромную разницу в возрасте, подружились. Познакомились мы в редакции журнала «Русский язык», который издавался Государственным педагогическим издательством в Праге (SPN), в этом ежемесячном издании была рубрика «Консультации», т.е. вопросы русистов и ответы Альфреда Федоровича (как его называли те, кто разговаривал с ним по-русски). Сначала я стала перепечатывать его ответы на своей пишущей машинке. Через некоторое время я набралась храбрости и высказала некоторые свои замечания. Мы стали подписывать ответы двумя фамилиями.

За материалом я приходила домой к Вурмам, и мой визит начинался экзаменом. Вурм читал мне отрывки из русской поэзии, и я должна была угадывать, кто автор. Память у него была феноменальная, иногда мы спорили, но почти всегда был прав Вурм. Он шел к книжной полке, вынимал томик стихов, сразу открывал его на нужной странице, и мы проверяли цитату. Один раз он мне прочитал длинный отрывок о весне и полностью поставил меня в тупик. Я думала, думала, кто бы мог это написать, потом сдалась. Это было единственный раз, когда он прочитал мне собственные стихи. Я спросила, написал ли он их. Вурм ответил: «Нет, зачем? Все равно сейчас на русском никто не напечатает». Какая жалость, что я тогда с этим согласилась.

Надо сказать, что многие студенты боялись Вурма страшно. Они боялись этой привычки все время кого-то проверять. Надо сказать, что я тоже была не всезнающей, но когда я говорила, что не знаю, Вурм никогда не удивлялся, не сердился и вообще не показывал и виду, что мог бы во мне разочароваться.

Вскоре мои посещения профессора переросли в беседы о литературе и лингвистике, длящиеся по несколько часов. Вурм стал учить меня немецкому языку, древнегреческому и латыни. За окном прекрасная погода, а я сидела в заваленном

СВЕТЛАНА МИХЛОВА

МОЙ УЧИТЕЛЬ АЛЬФРЕД ВУРМ

книгами и бумагами помещении и вспоминала не слишком хорошо выученный урок... Наконец мы шли обедать, и я из уважения к профессору давилась огуречным салатом, приправленным таким количеством уксуса, что мое горло справлялось с глотанием только с помощью латинских глаголов.

Иногда к Вурму приезжали гости из немецких университетов. Я убедилась, как мой учитель умеет говорить по-немецки. Если он говорил с немцем из ГДР, то говорил, как восточный немец, если гость был из ФРГ, то его речь была неотличима от речи гостя, а с австрийцем он говорил на немецком, который в ходу в Австрии, без малейшей ошибочки. По-русски Вурм говорил как настоящий русский, причем в двух вариантах: по-профессорски правильно и, если я его об этом просила, на жаргоне мальчишек из московских дворишек.

Над письменным столом квартиры, находящейся на Яромировой улице недалеко от Штротсмайеровой площади, висела картина: паровоз на всех парах несется вперед. Этот паровоз был похож на Вурма, который одновременно писал несколько словарей: словарь трудностей, фразеологический немецко-чешский и чешско-немецкий словарь, фразеологический русско-чешский и чешско-русский. Я стала помогать ему в словарной работе, начатой еще во время войны и продолжавшейся потом в течение многих десятилетий, так что словарную практику у него прошло ни одно поколение русистов. Вурм настолько хорошо знал язык, что постоянно совершенствовал свою систему, ему хотелось написать словарную статью столько раз, сколько опорных слов имеется во фразеологическом обороте. Без компьютера эта работа была практически невыполнимой, а на компромисс Вурм не соглашался. Все его словари основывались на экскерпции (выписках) студентов, помощников и самого Вурма, поэтому собранный материал, можно сказать, бесценен, он является результатом труда многих людей в течение десятилетий. Я понимала, что словарная работа — это отказ от собственной жизни, огромный труд, полностью лишавший человека свободного времени. Но все равно я согласилась помогать. В течение нескольких недель мы подготовили к изданию букву «А» для фразеологического

В юности Альфред Вурм был членом литературного объединения «Скит поэтов». Прага, 21 мая 1926 года. Литературный архив Музея национальной письменности в Праге.

Слева направо: А. Ф. Вурм, Т. И. Дзевановская, Э. К. Цегоева, Н. В. Дзевановский, М. М. Мыслинская, В. Ф. Мансветов, А. В. Эйсер, А. Л. Бем, Х. П. Кроткова-Франкфурт. Снимок сделан в комнате Педагогического бюро.

русско-чешского словаря, SPN заключило с нами договор. На второй букве Вурм умер. Мне пришлось, используя его картотеку (она до сих пор у меня хранится, 110 ящиков), закончить словарь одной. В 1989—90 годах издательство свертывало свою работу, стало ясно, что книгу нам не видать. Словарь слишком объемный для того, чтобы его издали в ЧР, производство слишком дорого, может, когда-нибудь его можно будет издать на Интернете...

После смерти Вурма вышел чешско-русский фразеологический словарь, подписанный именами двух авторов: В. Мокиенко и А. Вурм (издан в 2002 году). Однако этот труд не содержит самого главного, т.е. иллюстраций, а потому не имеет и десятой доли ценности, которую бы имело произведение, которое готовил А. Вурм.

Когда Вурм умер, его жена попросила меня помочь ей разобрать бумаги. Однако большую часть архива она выбросила. Я отнесла список книг в Славянскую библиотеку, они выбрали книг 15, о которых я сказала пани Вурмовой как о ценных вещах, на покупку которых у меня нет достаточных средств. Славянская библиотека послала пани Вурмовой около 100 крон...

Жаль, что мы встретились с А. Вурмом тогда, когда я была слишком молода и не достаточно ценила то счастье, которое выпало мне: надо было больше спрашивать, а я, что греха таить, иногда хотела побыстрее сделать свою работу. До сих пор мы друзья с сыном А. Вурма, в прошлом — штурманом корабля, побывавшим во всем мире, сегодня — пенсионером, переводчиком, занимающимся главным образом переводами компьютерных текстов и книг, посвященным интеллектуальным задачам. ■

Каждый вид человеческой деятельности имеет свою историю, выдающихся деятелей и свои знаменательные события и даты. Обладают всем этим и традиционные чешские ремесла — шляпное дело, ювелирная обработка граната, стеклодувное искусство. Мы уже писали о марионетках («Русское слово» № 5/2013), а сегодня речь пойдет о производстве кожаных перчаток ручной работы, которыми так славится Чехия.

МАРИНА ДОБУШЕВА
ФОТО: ВАДИМ ГРИВАЧ

ПЕРЧАТКИ ОТ СЛОВА «ПЕРСТЫ»

СУДЬБА РЕМЕСЛА

Историческая и современная столица перчаточного ремесла — Добржиш — провинциальный город в 40 километрах южнее Праги с прекрасным барочным замком-дворцом при въезде, противопожарным прудом и своим памятником Яну Непомуцкому в тени деревьев городского парка. От старой площади тянутся улицы частных домов, между которыми можно увидеть «коробки» бывших заводов. Из более чем двадцати перчаточных производств этого региона мы выбрали два. Это фирма NAPA, директор которой Йозеф Шефранек является старейшим специалистом-перчаточником, и фирма PAREŽ, основанная Ганой Черной, одним из последних обученных ремеслу специалистов.

NAPA

О фирме NAPA мы знали заранее, что среди своих конкурентов они единственные имеют интернет-магазин, современный логотип и на письма отвечают в тот же день — что отвечает духу времени. По поводу названия терялись в догадках — кроме города Напы в Калифорнии, который прославил русский эмигрант-винодел Андрей Челищев, никаких предположений не было. Пан Йозеф Шефранек встретил нас во всеоружии — подготовил научный реферат, в котором собрал не только широко известные сведения о перчатках, найденных в гробнице Тутанхамона, пропитанных ядом и духами перчатках французского двора, но и выписки из чешских хроник. В XI веке в хрониках Космаса встречаем латинское название

Пан Йозеф Шефранек — tukavičkář, основатель и руководитель фирмы NAPA, которая существует уже больше 20 лет

перчаток chirothecae, а в «Далимиловой хронике» XIV века уже rukavice. Стало быть, наш собеседник, пан Шефранек — tukavičkář, а учиться на перчаточника он стал сразу после войны. В это время по Декретам президента Эдварда Бенеша в 1945—1946 годах было конфисковано имущество немцев, венгров и так называемых «врагов чешского и словацкого народов» и изгнано из Чехословакии более трех миллионов человек. Их места должны были занять чешские специалисты, которых недоставало.

— В национализированных предприятиях было обновлено производство и объявлен первый общегосударственный набор для подготовки специалистов-перчаточников, куда я попал. Сам я родом из Моравии, из деревни возле Злина, и если бы не оказался в перчатках, естественно, работал бы у Бати. Тогда из деревни нас шло учиться всего пять человек. После профессиональной школы я поступил в вуз на экономику — тогда была большая потребность в специалистах. В 1948 году, когда я учился на первом курсе, было создано единое предприятие ЧСР «Перчаточные заводы» — национальное предприятие, комбинат объединял заводы по переработке и крашению

кожи, текстилю, размещенные в Тршебиче, Раднице, Праге, а в Добржише в том же году началось строительство фабрики по пошиву перчаток — мимо нее вы наверняка проезжали. Комбинат объединил 82 ранее существовавших мелких производства и вскоре стал одним из самых больших в мире.

Начав с рядового сотрудника на комбинате в Добржише, Йозеф Шефранек достиг в своей карьере максимума — стал его директором, с 1971 по 1998 год. «Я — старая структура», — шутит он. Во времена социализма на заводе перчаток в Добржише работали более трех тысяч человек. Производили 80 миллионов пар кожаных перчаток в год, 21 миллион экспортировали в страны соцлагеря, что касается поставок «большому брату», — полмиллиона пар перчаток в год. Самые большие поставки были в Европу, США и Канаду.

— Я объехал все производства перчаток, которые были в бывшем СССР. Были большие производства прямо в Москве, в Белоруссии, Киеве, Виннице и в Крыму — в Севастополе. В СССР поставляли перчатки не только из Чехословакии, но из Венгрии, Румынии и Болгарии.

После падения социализма настал конец большого производства и пан Шефранек несколько лет работал на ликвидации предприятия, занимался распродажей оборудования. В 1993 году основал фирму NAPA, которая существует уже больше 20 лет. «Налаженные торговые контакты, к сожалению, и с западными фирмами, и главное, с Россией были приостановлены», — вспоминает он. Пришлось начинать снова и по новым правилам. Вскоре на NAPA работали до 90 человек, в то время когда у конкурентов всего 15—20. После кризиса 2008 года производство пошло на убыль, и теперь у него работают всего 30 человек. Большая часть — «надомницы», которые шьют изделия дома. Это опытные мастерицы, которые всю жизнь зарабатывают этим кропотливым трудом, предел виртуозности лучших из них — две-три пары перчаток за день. Существуют на фирме и небольшие цеха, работу которых мы с интересом могли изучить. Опытный мастер, ни на минуту не отрываясь от ножниц, с увлечением стал рассказывать нам о раскройке кожи:

— Для перчаток нужна специальная кожа, в отличие от галантерейной кожи для сумок и обуви, которую надо «умертвить», чтобы она как можно меньше растягивалась, перчаточная должна тянуться и полностью повторять

форму руки. Кожа подготавливается вручную, вытягивается, потом пара перчаток раскладывается на одном куске кожи так, чтобы они не растягивались в длину, а только в ширину.

В пошивочном цеху при нашем появлении оживились, доброжелательные мастерицы позвали посмотреть, как работают на специальных машинках, как делают вышивку, как разглаживают перчатки на горячих лекалах. После кризиса, в обстоятельствах, когда надо было выжить на рынке, фирма NAPA стала семейной. На помощь пришли сначала зять, потом дочь, теперь уже вся семья занимается одним делом.

— Откровенно скажу, что чешский рынок нас бы не прокормил, потому что Чехия завалена перчатками из Китая. И даже фирма Ваґа, о которой я раньше всегда говорил, что это гарантия качества, тоже теперь возит китайские перчатки. Просто имя, бренд Ваґа, им помогает это продавать. Сначала для Ваґа перчатки поставляли мы, но наши цены с китайскими несравнимые и неконкурентные. Например, повседневные перчатки китайского производства ввозятся по цене 15—20 крон за пару. Мы за эти деньги не купим даже ма-

териал. А продаются такие перчатки за 300 крон, мы даже произвести за эти деньги не можем. Наша цена затрат на производство одной пары перчаток составляет от 300 до 500 крон. А потом в магазинах они продаются по цене от 800 до 1000 крон.

NAPA полностью сохраняет традиции классического ручного производства. Производят перчатки только класса «люкс». Это не только тонкие гладкие перчатки из качественной кожи для повседневного ношения, но и перчатки для вождения автомобиля, стрельбы из огнестрельного оружия, перчатки для фехтования и реплики исторических перчаток. В кабинете пана Шефранека есть небольшой закрытый стеклянный стенд со старинными образцами. А появляться в Чехии они стали с 1784 года. Когда в Праге осел француз-перчаточник Этьен Булонь (Etienne Boulogne), он основал «Первый завод французских перчаток в Праге», где осуществлялся весь технологический процесс от выработки кожи и окрашивания до пошива. Интересно, что в те времена ему удавалось производить 2400 пар в год и работали у него 110 человек. Процесс изготовления мало изменился и очень похож на наш, современный. В 1850 году, когда другой выдаю-

щийся перчаточник, тоже француз, Ксавье Жуван (Xavier Jouvin) измерил тысячу рук, зарисовал и впервые установил универсальные размеры перчаток, появились шаблоны, а значит, стали шить не по заказу, а впрок, начался экспорт перчаток. Это было интересное ремесло, которому охотно учились, хотя смертность у тех, кто красил кожу и обрабатывал, была большая, умирали перчаточники в раннем возрасте, в основном от туберкулеза. А производство тем не менее неуклонно росло. Вершиной является 1900 год, тогда в чешских землях производилось 15 миллионов пар перчаток в год. Их вывозили в 51 страну, больше всего в США.

— Страны, в которые мы вывозим сегодня наши перчатки, — продолжает пан Шефранек, — это в основном Франция, Германия, но и остальные европейские страны. В Россию вывозим, но очень мало. До введения виз, то есть до 2000 года, сюда много ездили из России, как мы говорили, «с чемоданом». Набирали перчатки ехали домой и продавали там, где было возможно. Когда были введены визы, эти люди перестали сюда ездить. Сейчас на русской таможне введен высокий тариф на ввоз кожи и русским невыгодно брать перчатки в Чехии. Один русский партнер

рассказывал, что требуются какие-то невероятные сертификаты не только на пошив перчаток, но и на кожу, из которой эти перчатки шьются. Правда, мы торгуем с несколькими русскими фирмами, но они имеют магазины или тут, в Чехии, или в Австрии. Обсуждали мы и варианты «размещение заказа на пошив у нас», как это делают в Китае, но до этого никогда не доходило. Искать контакты и предлагать наш товар помогает и чешский торговый атташе в Москве, он вывел нас на предпринимателя, жена которого живет в Праге. У него в Москве бизнес по торговле чешскими шляпами, вот мы и предлагаем ему дополнить ассортимент нашими перчатками. Сегодня продажа перчаток расширяется и через интернет.

Хотя пану Йозефу Шефранку уже за 80, он по-прежнему возглавляет фирму. Административных обязанностей у него все меньше, но общая стратегия производства, продажи и дизайн всех новых коллекций перчаток остаются за ним. Когда мы посетовали на кризис ручных ремесел, он припомнил слова уважаемого им Томаша Бати, который по случаю экономического кризиса 1932 года сказал: «Не верю ни в какие повороты судьбы сами по себе. То, что привычно называют экономическим кризисом — это другая сторона моральной бедности».

РАРЕЖ

Глава католической церкви (рареж) тут ни при чем, слово красивое и нравится заказчикам и директору — Гане Черной. Уже много зная о перчаточном деле, нам все же кое-что дало посещение второй фирмы. Проблемы, что ни говори, общие, а вот успехи своеобразные. Пани Черна закончила профессиональную школу в Берлине и основала свое частное производство в Добржише восемь лет назад. Нас встретил ее коллектив из двух администраторов, а вот производства как такового у них нет — заказы развозятся работницам по цехам или на дом. Отметим мы и большую современность коллекции. Как оказалось, эта современность — от самой пани Черной.

— Чем бы я занималась, если не перчатками? Модой — всегда хотела делать только моду, не только перчатки, но и одежду. Дизайн всех наших коллекций делаю сама. Мы сотрудничаем с модельерами, делаем аксессуары — перчатки и сумки, участвуем в модных показах.

Фирма РАРЕЖ не раз участвовала в традиционной ярмарке аксессуаров в Брно, которая проводится два раза в год. Были у фирмы и награды на конкурсах. Но по общим причинам вроде китайской конкуренции и общего экономического кризиса в последнее время в ярмарках участвовать фирма перестала. «В последние годы на них было мало посетителей и мы не нашли там новых клиентов», — поясняет Гана Черна.

Однако самый большой заказчик, на которого приходится 80 процентов продукции, это Россия. В ответ на мой вопрос о «специфическом русском вкусе» пани Черна пошутила: «Да, конечно, он есть, но это не значит, что каждый русский хочет только красные перчатки. Основа работы одинаковая — русские тоже имеют пять пальцев». Для русских заказчиков РАРЕЖ делает больше цветов, перчатки с мехом, а также новинку — перчатки со стразами, что имеет большой успех. Хотя успех дело относительное — интерес в России снизился из-за проблем вывоза, а это значит, что снизилось и производство.

Пани Черна говорит, что у нее статус «последней ученицы», что для нее звучит совсем не оптимистично. Училище перчаточников в Добржише закрыли, и уже никто не учит этой профессии. Работников в штате осталось только шесть человек.

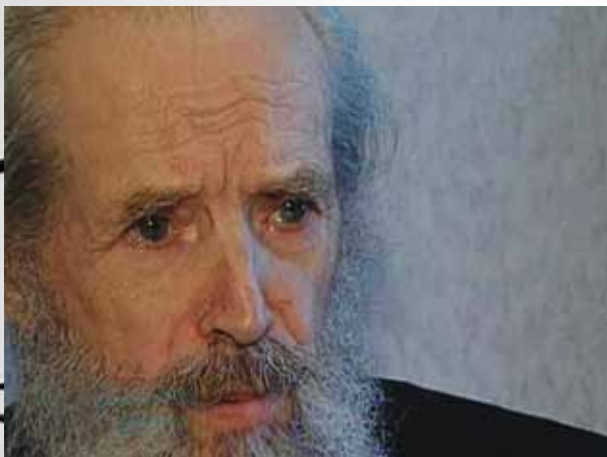
— Сотрудники нашей фирмы, да и все перчаточники, в перчатках целую жизнь. Грустим ли по временам большого производства? Нет, но когда большое производство распалось, перчаточники разъехались, и теперь конкурируют между собой, главное, что все воюют за русского заказчика. Конечно, каждый старается предложить меньшую цену, чтобы взять опт, а это плохо в целом для продукции, которая должна удерживать цены на товары класса люкс, потому что мы удерживаем качество.

Имея современный взгляд на моду, пани Черна не занимается интернет-продажами. Она говорит, что кожа очень разная по фактуре, в действительности цвета кожи выглядят иначе, чем на фотографии, и к тому же существует несколько шкал размеров руки. Все это нельзя отразить по интернету. На прощание она показала нам самые тонкие подарочные перчатки, сделанные по ее эскизам, они продаются в элегантной упаковке — скорлупе ореха. Как же можно не полюбить это прекрасное чешское ремесло!

Пани Гана Черна, владелица производства перчаток РАРЕЖ и его главный дизайнер

НАДЕЖДА ЗИНЧЕНКО
УСТЬ-ИЛИМСК

ВИКТОР ЕФИМОВ

НЕПАРАДНАЯ БИОГРАФИЯ XX ВЕКА

Воспоминания, которые лежат перед вами, вмещают как будто бы несколько жизней, в них много событий, каждое из которых достаточно для прекращения жизни, и мало рассуждений, что показывает человека беззащитным не только перед лицом смерти, но и перед действиями, ответственность за которые несут режимы — нацистский и сталинский.

Данные материалы были присланы в редакцию к майскому празднованию победы, широко отмечаемому в России, но опубликовать их «к празднику» было бы, как нам кажется, полным кощунством. Только часть преступлений, описанных живым свидетелем, дай Бог ему долгих лет, получила полагающийся суд — Нюрнбергский процесс; нация излечивается покаянием, жертвам тоталитаризма устанавливаются памятники. Другие преступления — русских против собственного народа — остаются без суда, что делает их вполне приемлемыми для общества, а справедливость выспрашивается нашим героем — в молитве...

Есть в этих воспоминаниях и чешский период, и здесь внимательный читатель должен откликнуться и помочь найти связи, установленные людьми и разорванные режимами.

Воспоминания Виктора Степановича Ефимова были записаны журналисткой Надеждой Зинченко в городе Усть-Илимск.

ЗАВТРА НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

Отец мой, Степан Федорович Ефимов, был кадровым офицером. Мама, Мария Григорьевна, — военным фельдшером. В 1935 году 90-й танковый полк, где они служили, перебросили с Урала на Украину, в город Запорожье. В вагоне, на участке железной дороги Воронеж—Запорожье, я и появился на Божий свет. Вскоре из Запорожья родителей перевели служить в Брест. Помню, мне уже было шесть лет: июнь 1941-го. Наш детский сад выехал на дачи. Там же отдыхали и мои сестренки: четырехлетняя Тая и восьмилетняя Люда, которая окончила 1-й класс. Вечер 21 июня был теплый-претеплый. Мы так много купались в речке, что после ужина тут же крепко уснули. Проснулись от гула самолетов, взрывов, огня и дыма. Наверное, немцы приняли наш детский лагерь за воинское подразделение и нещадно бомбили с воздуха. Прятаться и бежать было некуда. Немецкие самолеты на бреющем полете сбрасывали бомбы, которые взрывались, рассеивая тысячи осколков. Все вокруг горело. На моих глазах убивало, разрывало на части, присыпало землей детей и взрослых. Руки, ноги, спина, грудь, живот у меня и сестренки были изранены мелкими осколками. Из 60 детей и 20 взрослых, которые в ночь на 22 июня были в детском лагере отдыха, в живых осталось 14. Когда бомбежка прекратилась, стало слышно, как где-то кто-то стонет, кто-то плачет, зовет на помощь... И вдруг в лагерь въехал танк со звездочкой на башне. Все, кто был на ногах, кинулись к нему. А я оцепенел от ужаса и боли, не мог шага сделать и слова сказать. В танке оказался мой отец. Он быстро загрузил всех живых в танк, куда только можно было загрузить, и вывез в Брестскую крепость. Перед глазами и сейчас четко встает картина: меня вводят за руку в каземат, на кроватях полно раненых. Мама в белом халате кому-то делает перевязку или укол. Она оглянулась, увидела меня, вскрикнула: «Витя, сынок, ты весь седой», — и упала в обморок.

Дни потянулись за днями. Папа где-то воевал. Мама все время пропадала в госпитале. День и ночь с неба падали бомбы, гремели взрывы, свистели пули, все горело. В короткие перерывы мы, дети, выглядывали на улицу. Земля вокруг была пропитана кровью, всюду лежали тела убитых и то, что оставалось от человека после попадания авиабомбы или орудийного снаряда. Не помню, утро было, день или вечер, когда кто-то сказал, что поступило распоряжение командования: женщинам и детям сдать на милость врага-победителя.

Женщин и детей, способных передвигаться, было совсем немного. Мы вышли на открытую и ровную местность, где поодаль стояли люди в военной форме, мотоциклы с колясками, танки. От страха мы застыли, и казалось, что от напряжения дрожит воздух. Мама держала Тая на руках, а мы с Людой прижались к ней по бокам. Люди в военной форме, говорившие на чужом языке, нас осмотрели, построили в колонну и приказали идти. Мы шли и шли по краю дороги, а рядом шли большие дяденьки в военной форме и в касках, с винтовками и автоматами наперевес. С наступлением вечера по команде мы остановились и от усталости легли прямо на землю. Еды и воды нам не давали и объявили, что в сторону нельзя сделать и шага. Тех, кто его делал, тут же расстреливали. Утром на наших глазах расстреляли тех, кто не мог идти. На каком-то участке пути нашу колонну бомбили с воздуха. Многие женщины и дети погибли, а те, что были ранены, искалечены, так стонали, плакали, просили помочь хотя бы детям, что, казалось, мы, живые, тоже вот-вот умрем... Маму, меня и сестренку тоже ранило осколками. Когда бомбежка стихла, немцы закричали: «Штейн аух! Шнель! Шнель!», что значило: «Всем встать! Быстро! Быстро!» Тех, кто не смог идти, расстреляли. Мама одной рукой держала маленькую Тая, другой прижимала нас с Людой к себе и пересохшими губами шептала: «Сынок, доченька, родные мои, надо идти. Надо идти». Колонна двинулась, оставляя на земле кровавые следы. Жители близлежащих сел выносили вареную картошку, бутылки с водой. Кланяясь до земли, они жестами просили у конвоиров разрешения передать нам еду и питье. Глаза их были полны боли, по щекам текли слезы.

САЛАСПИЛС — ОСВЕНЦИМ

Не знаю, сколько нас так гнали. Когда пригнали в Латвию, лагерь Саласпилс, кто-то из взрослых сказал, что уже август. Какое-то время нас держали за колючей проволокой, а потом детей оторвали от матерей, увели в какое-то помещение. Там нас осмотрели, распределили по возрасту, цвету глаз и волос, измерили рост, вес. Всех, кто в шесть лет ростом был ниже метра, у кого были карие глаза и темные волосы, отставили в сторону. Всех их потом расстреляли или сожгли в печях крематория. Белокурых, голубоглазых и рослых, в число которых попал и я с сестренками, увезли на железнодорожную станцию, набили в вагоны и повезли в Германию. Это сейчас я знаю, куда нас повезли, а тогда я понимал одно: плакать, спрашивать, где мама, просить воды и еды нельзя, разговаривать тоже нельзя. Ничего нельзя, иначе злые дядьки и тетki будут больно бить и могут убить совсем. Поволокут за ноги и бросят вниз головой в ящик в тамбуре, как это они делали с некоторыми другими детьми.

Снимок солдата 45-й пехотной дивизии Михаэля Вехтлера. Женщины и дети, попавшие в плен на Южном острове Брестской крепости. 24 июня 1941 года.

С поезда в крытых машинах нас привезли в лагерь, огороженный высоким забором из колючей проволоки, построили в шеренгу, отобрали самых слабых. Я тоже оказался в их ряду. Но потом один немец-надсмотрщик увидел у меня на шее веревочку с образком и отвел в сторону. Эту металлическую иконку я как-то после бомбежки нашел в развалинах Брестской крепости, потом приделал к ней ушко, вдвнул веревочку и повесил на шею, чтоб не потерялась. Я вообще тогда не знал, что есть Бог и святые и что моя находка называется иконой. Но какая-то сила, мысль или голос мне подсказывали, что добрый дедушка с длинной бородой «на картинке», так я называл образок, защитит меня, маму и сестренку.

Меня разделили с сестренками и вместе с сотнями других детей перевели в детское отделение Освенцима — в так называемый «Биркенау», блок № 15. Мы жили в деревянных бараках с нарами в три яруса. По ширине на нарах вмещалось три ребенка, по длине — девять. Спали так: ноги первой тройки к головам второй, ноги второй — к головам третьей. Никаких матрацев и одеял. Халат из мешковины или мешок с отверстиями для головы и рук служили нам одеждой зимой и летом. Первое время к нам был приставлен для присмотра еврейский священник из узников — раввин. Он нас не обижал, разговаривал спокойно, все объяснял. Потом его не стало, а нашим «воспитанием» стали заниматься надсмотрщицы, их называли «капо», из наемных немков и пленных словачек. Эти нас люто ненавидели и жестоко избивали. Утро начиналось со злого окрика-команды: «Штейн аух!», что значило: «Встать!». Многие дети умирали ночью и оставались лежать. Их тела стаскивали, кидали в бочку с раствором хлорки, а потом сжигали. А мы, живые, обтянутые кожей скелеты, с наголо обритыми головами, провалившимися и полными страха глазами, строились рядами. Грозным голосом капо и надсмотрщицы в военной форме кричали: «Вер ист юден? Ком цу мир!» («Кто еврей? Выходи!»). У маленьких узников-евреев на груди были нашиты шестиконечные оранжевые звезды — шесть сложенных крест-накрест оранжевых полосок. По команде «юден» делали несколько шагов вперед и застывали. А лагерники зло всматривались в лица детей без звездочек, высматривали кареглазых, с ненавистью кричали: «Вас ист дас? Юден?!» («Ты кто? Еврей?!»). Некоторых выволакивали из общего строя и ставили в шеренгу к «юден». Каждый день десятки и сотни детей с оранжевыми нашивками на рубашках и внешне похожих на «юден» вводили в газовые камеры или на сжигание в крематорий.

СВЯТОЕ КРЕЩЕНИЕ

Среди взрослых пленных был православный священник из Белоруссии. Он старался окрестить как можно больше ребятшек, особенно тех, кто был кандидатом в газовые камеры или крематорий. Крестильной чашей служил железный тазик с водой, миром для помазания — олифа или какая-то жидкость, похожая на масло. Потом кто-то донес немцам на этого человека. Его страшно пытали, замучили до смерти и сожгли. Взрослым и детям объявили, что так будет с каждым, кто есть «юден» или не будет повиноваться вермахту. Много лет спустя, уже в Усть-Илимске, я спросил о. Александра Белого — настоятеля храма Всех Святых, в земле Российской Просиявших: действительно ли мое крещение в детском лагере Освенцим или мне надо креститься вновь? Священник не взял на себя смелость судить

что-либо по этому вопросу и задал его митрополиту Иркутскому и Ангарскому Вадиму. Тот при встрече с о. Александром ответил, что узник-священник из Освенцима — великий мученик и святой, хоть и не явленный миру. И что ныне живущие священники не вправе что-либо исправлять в его действиях, даже если они выполнялись с какими-то отступлениями от установленного чина таинства крещения.

СТРАШНЫЙ ДЯДЬКА ЙОЗЕФ МЕНГЕЛЬ

В Биркенау действовала лаборатория известного немецкого врача Йозефа Менгеля. Мы, дети, служили материалом для его опытов. Нам вживляли в мозг электроды и испытывали рефлексы. У нас выкачивали из вены кровь и вводили какие-то жидкости. Нам прививали инфекционные болезни и вкалывали антибиотики. Мы покрывались сыпью, язвами, слепли, глохли, а некоторые умирали. Оставшихся в живых разогревали, потом погружали в ванную с водой и, постепенно охлаждая температуру, замораживали. Потом размораживали и наблюдали, что с нами происходит: замеряли температуру, пульс, давление, смотрели цвет склер, размер зрачков, состояние языка, мышц, внутренних органов... Самыми страшными и болезненными были опыты на позвоночнике. Огромный шприц вонзали в межпозвоночные диски, что-то вводили, выкачивали спинной мозг... Истощенные и обессиленные, мы трепыхались, бились в конвульсиях. Нас держали или привязывали. Я очень хорошо запомнил доктора Йозефа Менгеля: мужчина лет 40, среднего роста, волосы темные, лицо бело-розовое, гладко выбритое, глаза голубые и такие холодно-испытующие, колючие, пронизывающие этой своей остротой насковозь. Он и сейчас иногда приходит ко мне во сне, удивляется, что я еще живу на белом свете, и что-то хочет сказать, но я в жутком страхе, какой переживал в Освенциме, просыпаюсь.

Помню, однажды летним днем над Освенцимом прошел дождь, а вместе с ним на лагерьный двор напало много зеленых лягушек. Мы наклонялись над лужицей, хлопали по ней ладошкой, лягушки выпрыгивали из воды, мы их хватили за задние лапки, раздирали надвое и жадно проглатывали. Малышня от двух до пяти лет, плохо стоящая на худых, искривленных ножках, облепляла нас, хватала за руки, за ноги, просила хоть кусочек «фляйш» (мяса)... Мы готовы были съесть все, что двигалось или шевелилось. От голода, холода, страха, побоев и опытов мы забыли свои имена, родителей, братьев, сестер, страну. Мы забыли свой язык и понимали только немецкую речь. Мы были живыми тенями, с инстинктом страха и рефлексом голода, а происходящее воспринимали так, будто все это — побои, голод, холод, издевательство — так и должно быть.

МАМА, Я ЗАБЫЛ ИМЯ СВОЕ!

Однажды после замораживания и размораживания мне привили тиф. Я лежал на нарах в бараке и умирал. Была ночь, или у меня в глазах было темно. Вдруг крыша барака исчезла, открылась небесная сфера, и надо мной склонилась необыкновенной красоты женщина, от которой исходило сияние. Она смотрела на меня с невыразимым сочувствием и любовью. И была так похожа на мою маму. Да, я вспомнил маму! Перед глазами поплыли кадры: Саласпилс, колючая проволока, очень хочется кушать, мама подсовывает мне и сестренкам картофелины. Нас отрывают друг от друга, и мама кричит: «Запомни,

тебя зовут Виктор... Витя...». Небесная мама склонилась надо мной, перекрестила, приветливо махнула рукой, и видение исчезло. Я проснулся. На нарах рядом со мной во сне стонали и что-то бормотали другие дети. Утром многие из них оказались мертвыми. Пришел Иозеф Менгель со свитой. Он очень удивился, что я жив. А потом удивлялся, что я пошел на поправку и выздоровел, хотя никаких лекарств мне не давали.

ОСВОБОЖДЕНИЕ — ЕЩЕ НЕ СВОБОДА

В самом конце войны доктор Менгель и его окружение пытались вывезти лабораторию и оставшихся в живых узников из Освенцима в другое место. По дороге мы попали под бомбежку. Меня ранило и контузило так, что от страха и боли глаза вывернулись белками наружу. Я не видел, не слышал, не ходил, не говорил. Я не помню, как меня и оставшихся в живых детей-узников Освенцима союзные войска Великобритании отправили на лечение в Англию, в специализированный госпиталь.

Первое мое впечатление, когда я пришел в себя и стал немного слышать, видеть, приподнимать голову, — это вид из окна: чистая зеленая лужайка, река, на берегу плакучие ивы. В палате белые стены, белый потолок, на кроватях с белыми простынями лежат еще трое ребят. Открывается белая

дверь, и в палату входит чернокожий человек, у которого что-то горит и дымится во рту. «Это черт!» — думаю я и от страха кричу, зову на помощь. «Черт» подбегает ко мне, вынимает из своего рта то, что дымилось, и сует мне в рот. Невольно заглатываю дым и отплываю, теряя сознание. Когда прихожу в себя, «черт» протягивает мне руку: «Джек», — бережно пожимает мою ладонь, что-то ласково говорит на незнакомом языке, а глаза у него добрые-добрые. Когда мы с ним научились изъясняться, он с чувством вины объяснил, что когда увидел меня — маленького, худого, плачущего, то очень расстроился. Он знал, что детям надо что-нибудь дать, чтобы они не плакали. Но ничего, кроме сигары, у него не было. Вот он и сунул мне в рот «соску».

Джек, как и другие молодые африканцы, служил в английском госпитале няньюшкой. Он кормил меня с ложечки, выносил на руках на зеленую травку к реке, учил английскому, сопереживал, когда мне делали очень болезненные процедуры по выравниванию позвоночника на кровати с функциональным основанием. Потом исправляли грудную клетку. Полгода я ходил в гипсовом корсете. Потом Джек учил меня ходить, напевал что-то веселое, когда от боли у меня проступали слезы. Все, что было до войны, у меня стерлось из памяти в Освенциме, а после контузии под бомбежкой — и мой чудесный сон, когда я видел маму и вспомнил свое имя. Я помнил только лагерные порядки. После Освенцима Джек был первым в моей жизни человеком, от которого я узнал любовь, заботу и ласку.

В госпитале было много детей из Польши, Чехословакии, Югославии. Мы быстро находили общий язык и говорили на смешанном польско-чешском наречии. С медиками общались на немецком. Никто не мог определить мою национальность. И сам я не мог вспомнить свое имя и страну. В концлагере немцы обычно отправляли детей евреев, русских, украинцев, белорусов. Но если меня за четыре года не сожгли в крематории, не удушили в газовых камерах, значит, я не из их числа. Все решили, что я чех, мальчик из сожженной фашистами деревни Лидице, стали называть Вацлавом. Мне очень нравилось это имя. А еще у меня была кличка — «седой».

В Великобритании нас лечили более полутора лет. Я стал видеть, слышать, потихоньку ходить. Шел уже 1947 год, когда Чехословакия затребовала вернуть своих детей.

НА РУКАХ ЧЕРЕЗ ВСЮ ПРАГУ

Из Англии нас доставили в фильтрационный лагерь, расположенный в очень красивом местечке Чехии — деревне Тршесовице близ города Градец Кралове. Туда приезжали мужчины и женщины из областей Чехии, Словакии, Югославии, Польши — искали своих детей, родственников. И некоторые находили. Я, как и все другие ребяташки, тоже ждал, что меня найдут.

В 1947 году в Праге проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов, направленный против диктаторских режимов, войн, фашизма и нацизма. Нас, детей из фильтрационного лагеря, кто еще не нашел родителей, очень хорошо одели и повезли на праздник. Участники фестиваля встречали нас на вокзале с цветами, конфетами, что-то дарили, а потом несли на руках от вокзала к памятнику Яну Гусу на Староместской площади и Карлову мосту с его

Учетные фотокарточки детей-узников концлагеря Освенцим-Биркенау. 1942 год.

удивительными скульптурами. Мы были главными героями фестиваля. Звучали речи о том, что мы безвинные жертвы войны, и нельзя допустить, чтобы в истории человечества повторились Лидице, Освенцим, Дахау...

МЕНЯ НАШЕЛ ПАПА КАРЛ КРАЙЧОВИЧ

После фестиваля нас поместили на жительство в детский приют близ курортного местечка Бездез. Всех очень красиво одели, хорошо кормили. Сюда тоже приезжали люди разных национальностей с горячим желанием отыскать своих детей. А мы с надеждой встречали каждого взрослого: вдруг это за мной? И вот в какой-то день в приют пришел мужчина средних лет, с очень добрым лицом и внимательным взглядом. Судя по одежде и речи — чех. Он пристально всматривался в лицо каждого из мальчишек, мы с любопытством смотрели на него. Вдруг он обратился ко мне: «Ты — Виктор?» У меня что-то дрогнуло в груди, в памяти как сквозь туман всплыл образ мамы, ее далекий голос: «Тебя зовут Витя, Виктор...» Я кивнул чеху: «Да, я Виктор». Он обнял меня, прижал к себе, поцеловал, стал радостно тискать. По его лицу текли слезы. Я тоже плакал, не зная, кто этот человек.

Потом он протянул мне руку: «Карл Крайчович», — и сразу стал рассказывать, что он здесь по наказу моей мамы. Она находилась в женском концлагере Метхаузен, который освободили войска США, и попала в один из фильтрационных лагерей Чехии. Карл Крайчович искал свою семью в фильтрационных лагерях американской зоны, а моя мама — нас, своих детей. Карл Крайчович помог ей побыть во всех местах, где могли оказаться малолетние узники. Так она нашла дочерей Таю и Люду, а от меня — ни следа. У нее кончался срок пребывания в демаркационной зоне. Надо было или выбирать новую родину — США, Великобританию, Францию — или возвращаться в Советский союз. Мама просила Карла Крайчовича, чтобы он, даже когда найдет всех своих родных, продолжал искать ее сына. Главная моя примета — голубые глаза и седые волосы. Карл Крайчович говорил, что узнал меня сразу, но на всякий случай спросил имя. Мама уверяла, что я должен помнить свое имя, а если и забыл, то вспомнить потом.

Пока решится моя судьба, пока я попаду в СССР к маме, этот добрый человек предложил пожить в его семье. Он усыновил меня, и я стал Вацлавом Карловичем Крайчовичем.

РОДНЫЕ, НЕЗАБЫВАЕМЫЕ КРАЙЧОВИЧИ

У Карла Крайчовича в местечке Горни Подлужи был свой дом с садом, огородом и разной живностью. Он работал железнодорожником, а его жена занималась домашним хозяйством. В семье было пятеро детей: Янушка, Зденка, Отто, Карл-младший, Ярек и я — Вацлав, шестой ребенок по счету, по возрасту — средний. Меня определили учиться в «народную школу». В классах занималось по 10 учеников. Учителя были только мужчины — строго одетые и очень интересно излагающие свои предметы. А преподавали нам те науки, которые прежде всего пригодятся сельскому труженику: географию, ботанику, биологию, математику, литературу и, конечно, Закон Божий. Утром в класс входил фарарж (викарий). Мы бесшумно в благоговении вставали. Он осенял себя и нас крестным знаменем, приветствовал: «Спаси всех, Господь Иисус Христос!» Мы отвечали тем же приветствием, читали хором «Отче наш», и учитель начинал урок.

Все дети Крайчовичей учились в школе, а после занятий принимались за домашние дела. Кому исполнилось 12 лет, уже где-нибудь подрабатывал. Я тоже помогал по хозяйству, а потом отец (Карла Крайчовича я называл отцом, а его детей считал и до сих пор считаю своими братьями и сестрами) построил меня в ресторанчик при отеле «Славия». Там я помогал хозяину, пану Зденеку, на кухне и быстро научился готовить национальное блюдо — кнедлики. Некоторые посетители ресторанчика, заказывая кнедлики, спрашивали: «Готовит русский?» — узнав, что кто-то другой, откланивались, мол, зайдем позже. Я старался угодить людям, и делал все, чтобы Карл Крайчович гордился русским сыном. За год я освоил курс народной школы. В гимназии Дольни Подлужи меня сразу взяли в класс выше, чем полагалось после народной школы.

В воскресенье вся семья Крайчовичей шла в церковь. Я узнал, что на образочке, который не раз спасал меня в Освенциме от крематория и газовой камеры, изображен великий ветхозаветный пророк Илия. А в лике Царицы Небесной на большой церковной иконе я признал Ту, которая посетила меня в Освенциме, умирающего от тифа, привитого в лаборатории Менгеля.

В семье Крайчовичей мне жилось очень хорошо. Но вот сквозь это «хорошо» постоянно пробивалась мысль, что где-то в Советском союзе меня ждет мама, сестры и, может быть, вернулся с войны отец. Я написал в консульство СССР в Праге, а потом с Карлом Крайчовичем мы туда поехали. Вообще он не раз отговаривал меня от возвращения на родину, объяснял, что русские люди — хорошие, что весь мир ин обязан победой над фашизмом, но сталинский режим — не лучше гитлеровского, и в СССР меня ждет новый концлагерь. Но мне не хотелось верить в это.

НА РОДИНУ ПОД КОНВОЕМ

Из консульства СССР, куда я обратился по поводу возвращения на родину, меня уже непустили в семью Крайчовичей. Учиться в гимназии тоже не разрешили. И вообще не разрешали покидать территорию консульства. Относились ко мне без вражды, но и без участия. По-русски я не говорил. Не раз меня допрашивали с переводчиком: кто, откуда, как попал в Освенцим? Что делал в Англии? Как оказался в семье Крайчовичей? Спустя полгода меня перевезли под конвоем в фильтрационный лагерь под Веной. Кого там только не было: советские военнопленные, молодые люди, подростками угнанные на работы в Германию и достигшие там совершеннолетия, власовцы, казаки, поддержавшие на Дону и в Краснодарском крае немецкий режим. Власовцев и казаков сразу отправляли в СССР, в лагерь. Остальных, в том числе и меня, допрашивали и допрашивали.

С довоенного детства в моей памяти сохранилась одна картина: большая река и огромная плотина. Как я потом узнал, до войны в СССР была всего одна большая ГЭС — Запорожская, на Днепре. По этому факту НКВД установило мою личность и то, что в Запорожье у меня живет тетя по линии матери. В товарном вагоне, под конвоем из Австрии через Венгрию и Румынию меня отправили в СССР. В Будапеште и Белграде стояли по месяцу, где меня опять пристально допрашивали. И только через восемь месяцев после выезда из консульства СССР в Праге меня доставили на пограничную станцию Чоп, а оттуда — во Львов, где еще не раз допросили и отобрали личные вещи. А меня Карл Крайчович снабдил очень хорошими вещами.

ПОБЕГ

В Запорожье меня поселили в комнате на вокзале. Конвой сняли, но выходить дальше привокзальной площади запретили. Допрашивали каждый день и по нескольку раз в день. Иногда и руки прикладывали. Я очень плохо говорил по-русски, переводчика здесь не было. Впервые на допросах я услышал в свой адрес: предатель, шпион иностранной разведки. Я это отрицал и отказывался подписывать любые бумаги. Так меня научил безногий матрос-фронтвик, который просил на вокзале милостыню и с которым я познакомился, стоя у открытого окна своей вокзальной «камеры». У него я учился русскому языку, спрашивал значение слов из книги «Кавказский пленник», которую как-то мне протянула женщина на вокзале: «Я прочитала. На, читай ты».

Однажды НКВД-шники после очередного допроса с рукоприкладством заявили, что меня как предателя и шпиона будет судить военный трибунал по статье 58 УК, с литерой «СОЭ» — социально опасный элемент, и мне грозит 15 лет лагерей. Я рассказывал безногому другу-матросу обо всем и от обиды плакал. «Знаешь, что? А ты не жди, когда тебя отправят по этапу на Колыму или на Крайний Север. Беги. Езжай в Одессу. Найдешь там маршала Жукова Георгия Константиновича. Он, и только он, тебе поможет». Матрос рассказал, кто такой Жуков, назвал его адрес в Одессе, показал под вагонами большие деревянные ящики, в которых железнодорожники прятали лопаты, ломы и другой инструмент. Мол, ты худой, заморенный, поместишься. Если на какой станции откроют ящик, и вывалишься — беги. Ноги, слава Богу, есть! Догонят — не говори, кто ты и что тебе 14. С виду тебе 10, сойдешь за сироту, каких сегодня тысячи. Отпустят.

Мы с матросом изучили расписание поездов, продумали маршрут, и в ту же ночь я бежал. Спустя две недели в своем подвагонном «купе» я услышал объявление: поезд прибыл на станцию Одесса.

ОДЕССА-МАМА

За две недели пути, проведенные под вагоном, я сильно ослабел. Денег на проезд в автобусе у меня не было. И я плохо говорил по-русски. Подходил к кому-то из прохожих с добрым лицом, показывал клочок бумаги с адресом Жукова, который мне написал безногий матрос, и шел дальше. Как я уже говорил, во Львове при допросах НКВД-шники отобрали у меня личные вещи. Я остался в одной скаутской форме: защитного цвета брюки, курточка, рубашка и зеленый галстук с голубой окаемкой. И хотя одесситы в своей массе были одеты бедно и пестро, моя скаутская форма привлекала внимание. Какие-то люди приняли меня за немца и доставили в лагерь военнопленных, которые отстраивали разрушенную Одессу. Я объяснил старшему среди них, кто я и зачем в Одессе. Одно слово «Освенцим» вызвало у немцев горячее сочувствие. Меня стали отговаривать от дальнейших поисков Жукова. Мол, зачем тебе СССР и Сталин с его лагерями? Нас скоро освободят. Уедем в Германию. Один баварец при условии, что я останусь, а потом уеду в Германию, обещал отдать за меня замуж свою красавицу дочь, когда мы оба подрастем. И фотографию показал этой девочки: белокурой, с большими глазами и бантами. Но мне не нужна была Германия. Я хотел

жить на родине и найти свою маму, сестер. Хотел узнать, где отец. Из лагеря военнопленных меня неожиданно отпустили, мол, иди куда хочешь. И я опять отправился на поиски маршала Жукова.

В ГОСТЯХ У ЖУКОВА

Дом Жукова — кажется, это был двухэтажный особняк с садом — оказался под охраной. Я сел поодаль караула на обочине дороги и стал ждать в расчете, что когда к дому подъедет Жуков, я быстро подойду к нему и все расскажу. Так я просидел не один час. Вдруг из ворот дома маршала выбежала девчонка-подросток: смуглая, черноглазая, две косички с бантиками. Своим видом она напомнила мне птенца-галчонок. Девочка подбежала ко мне и резко, но без враждебности, спросила:

— Что тебе, немчура, надо? Что ты тут сидишь и все высматриваешь?

— Я русский. Ищу вот этого человека, — сказал я сдвленным от волнения голосом и протянул девочке листок с записью: «Жуков Георгий Константинович».

— Это мой отец. А зачем он тебе?

— Это я только ему скажу, — ответил я со значением. «Галчонок» постояла, подумала и сказала:

— Ладно, пойдем в дом. Что ты тут будешь сидеть. Отец, бывает, до ночи работает, а то и совсем не приезжает домой.

Маршал Г. К. Жуков с дочерьми — старшей Зрой и младшей Эллой. Вторая половина 1940-х годов.

Часовой преградил мне путь, но «галчонок» заявила, что я ее друг, и, если меня не пропустят, она пожалуется отцу и тот вообще часового выгонит. Часовой все равно меня не пустил. И только когда «галчонок» несколько раз повторила, что будет жаловаться отцу, сердито сказал: «Да делайте вы, что хотите!» — убрал штык с моего пути. «Галчонок», кажется ее звали Эллой, предложила мне вымыть руки, усадила за стол и поставила тарелку с пельменями: «Ешь, ты такой тощий». После двухнедельного голода я со зверским аппетитом набросился на угощение. Но мне тут же так скрутило живот, что пришлось вызывать врача. Тот дал лекарства, велел лежать. Не прошло и часа, как в гостиную вошел мужчина средних лет, среднего роста, довольно плотный, в гражданском костюме, брюки заправлены в высокие хромовые сапоги. «Что тут у вас происходит?» — спросил он, ласково обраща-

ясь к дочери, окинув меня внимательным взглядом. «Папа, это к тебе. Он сам все расскажет». Я забыл про боль, быстро вскочил, стал говорить, с трудом подбирая русские слова. Жуков предложил мне пройти в кабинет и стал задавать вопросы на немецком. «Галчонок» без спроса вошла в кабинет, то и дело спрашивала: «Папа, а что ты его спросил? А что он тебе ответил? Переведи. Я тоже хочу знать!» В конце нашего разговора Жуков спросил, помню ли я фамилию сотрудника НКВД, который шьет мне дело? Я назвал. Жуков поднял трубку телефонного аппарата, велел соединить с Запорожьем и строгим тоном сказал: «Капитана Филиппенко». На том конце провода, видимо, ответили, что уже поздно и капитана Филиппенко нет. Жуков приказал, чтобы Филиппенко тут же был. Там, видимо, спросили: «Кто на проводе?»

— Кто, кто? Жуков!

Через две минуты требуемый объект доложил в телефон по всей форме.

— Ты, придурок, немедленно подавай рапорт об увольнении! Что б завтра же тебя в армии не было! — Жуков еще сказал пару резких фраз в трубку, спокойно повернулся к нам с «галчонок», мол, все: вопрос решен. Маршал велел отвести меня в ванную, подобрать одежду, выделить отдельную комнату, и чтоб я погостил у него с недельку.

ЧТО ЖЕ ТЫ ДЕЛАЕШЬ С НАМИ, РОДИНА?

В Запорожье, прямо у купейного вагона, меня встречал незнакомый представитель НКВД. Услужливо взял чемодан, подаренный маршалом Жуковым, донес до автомобиля. Это были последние минуты свободы перед арестом и судом. Меня все-таки признали предателем родины, но дали не 15 лет, а три года с полным поражением прав на такой же срок после отбытия наказания.

Вид на Норильлаг (в списках лагерей ГУЛАГа назывался Норильский исправительно-трудовой лагерь) и никельную шахту «Норильская» со склона горы Рудной в 1947 году. Очень хорошо видны бараки. На склонах горы в то время еще рос лес.

«Беспроволочный телеграф» на зоне под Норильском уже отстучал: кто прибывает с очередным этапом и за что. Зэки встретили меня возгласами: «Добро пожаловать на лучший курорт СССР по путевке товарища Сталина долечиваться после Освенцима!»

Контингент лагеря составляли уголовники, военнопленные и политические. Последние были людьми образованными, старались соблюдать культуру общения, насколько это понятие можно применить к условиям зоны. Уголовники

и военнопленные политических не любили, но меж собой тоже не ладили. У тех и других были чуть ли не пожизненные сроки заключения и жестокий опыт прошлой жизни. Между ними часто вспыхивали драки: в ход шли ножи, бритвы, ломы, свинчатки и острые, как шило, специальные металлические заточки. Работали мы очень тяжело: выколачивали из шлака остатки меди, а шлак грузили в вагонетки, толкая их впереди себя, выкатывали на вершину террикона, и там опрокидывали. Кормили нас тюрей — жидкой кашей из разной крупы, иногда давали ржавую селедку. Некоторые заключенные не выдерживали нечеловеческих условий — бежали. Их догоняли конвоиры и тут же пристреливали. Многие заключенные болели и умирали. Я держался ближе к политическим. Но уголовники и военнопленные меня не обижали. Если кому-то приходила посылка или кто-то нелегально раздобывал продукты, все со мной делились.

НЕВЫНОСИМО!

После отбывания срока я не имел права учиться в вечерней школе, техникуме и вузе, жить в областных городах и вообще жить без надзора спецорганов. Меня отправили в Украину, на станцию Пятихатки, определили работать под конвоем на железной дороге. Работа была страшно тяжелая физически и морально. Надо мной откровенно издевались охранники и поднадзорные. Особенно вертухаи, служившие «нашим и вашим». Вспомнив опыт путешествия в Одессу к маршалу Жукову, я при первом удобном случае сбежал. В Запорожье у тетки меня тут же взяли и вернули на станцию Пятихатки. Но я опять бежал. На этот раз тетка сразу же отвела меня на кладбище в родовой склеп (мои предки до революции были людьми знатными) и велела ждать здесь до лучших времен. Уже умер Сталин, и эти лучшие времена зрели, слух о них уже носился в обществе. В Освенциме и на зоне за Полярным кругом я столько насмотрелся смертей, что несколько не боялся мертвых. Перед сном «пожимал» костяшки ладони прадеда, мол, дорогой предок, охраняй мой сон от «энкэвэдэшников», ложился рядом со скелетом и спокойно спал. НКВД-шники часто приходили с обыском к тетке на квартиру, но ни разу не сунулись в склеп. Они не верили в Бога, творили зло, но страшно боялись смерти. По ночам тетка приносила мне еду и сменное белье. Так я просидел в склепе до амнистии, известной в истории СССР как «холодное лето 53-го», когда вместе с политическими выпустили на свободу отпетых уголовников, которые натворили дел...

ЗАВОД, АРМИЯ, ИНСТИТУТ

В очень нелегкие моменты жизни мне всегда помогали евреи. Вот и в 53-м тетка через знакомого еврея устроила меня работать на завод «Запорожсталь» учеником слесаря КИПиА. В то время это была новая и очень престижная специальность. По вечерам я занимался в вечерней школе, а в воскресенье (тогда это был единственный выходной день) шел в церковь. На подходе к храму всегда дежурили бригадильцы — комсомольцы, оказывающие помощь милиции в борьбе с антиобщественными явлениями, каковым считалась и религия. Старушек они не трогали, а меня не только словами пытались убедить, что Бога нет. На службу в храм я частенько приходил изрядно потрепанным, с разбитым носом и синяками. Вообще, драться за кусок хлеба, брюквы или горсть шпината меня научил Освенцим. Но в случае с бригадильцами силы были не равные:

они — здоровые, сытые, а я — с шести до 10 лет заморенный в фашистском концлагере, а с 14 до 17 — в сталинском ГУЛАГе. Священник о. Александр показал мне вход в церковь через потайной подвал и посоветовал стоять в храме за колоннами. По совету тети я записался в спортзал на самбо, чтоб хоть немного набрать мышечную массу. Приемы освоил быстро, и уже воинствующие комсомольцы получали отпор. Да так, что меня дважды вызывали в милицию.

Жизнь понемногу налаживалась. Объявилась в Запорожье и вскоре вышла замуж старшая сестра Люда. Дала знать о себе из Иркутска после выхода из детского дома младшая сестренка Тая. Только о маме — ни весточки. Я сдал экстерном экзамены за курс семилетки (это как сейчас 9 классов) и взялся за курс десятилетки, как вдруг получил повестку в армию. На призывной комиссии врач посмотрел мою справку об инвалидности 1-й группы и безапелляционно изрек: «У нас таких инвалидов — половина СССР. Иди служить».

Шел 1956 год. Генеральный секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев с трибуны XX съезда КПСС развенчал культ личности Сталина. Воинскую часть, в которой я служил, с пограничной зоны под Кутаиси срочно перебросили в Тбилиси. Там весной 56-го произошли массовые демонстрации коммунистов в защиту Сталина. После наведения порядка в столице Грузии нашу часть расформировали, а нас, солдат, отправили кого куда. Я попал на космодром Байконур. Служил заправщиком топливом ракетных установок. При мне запускали в космос собак по кличке Белка и Стрелка.

После демобилизации сдал экстерном курс десятилетки, поступил на вечернее отделение Запорожского филиала Днепропетровского металлургического института. Из рабочих меня быстро перевели в ИТР, а за одно большое рацпредложение премировали черной «Волгой». Честно скажу, я не знал, что делать с дорогой машиной. И тут опять меня выручил один еврей. Он предложил, мол, давай меняться: ты мне «Волгу», а я тебе — двухкомнатную квартиру в Запорожье. Оформление документов он полностью взял на себя.

МАМА, БЕЛАЯ ГОЛУБУШКА

Квартира оказалась как нельзя кстати: отыскалась мама. После Освенцима, у папы Карла Крайчовича, я все же вспомнил ее образ: синеглазая, светловолосая, в нарядном платье и туфельках на каблукках. А при встрече я увидел седую старуху в эковской телогрейке, стоптанных сапогах и старом платке. От прежней мамы остались только глаза: большие, синие-синие и такие добрые. Но столько боли светилось в этой синеве! Моя мама... Она сразу узнала меня по седым волосам и, как в госпитале при Брестской крепости в первую ночь войны, упала в обморок. А потом мы провели вместе много вечеров. То молчали, то не могли наговориться. Плакали. В немецком концлагере ее тоже подвергали пыткам-опытам. Вживляли в головной мозг электроды, выводили зимой нагу на улицу, обливали водой, подключали датчики и фиксировали реакцию организма. Она знала, что такие же опыты проводят над детьми. Замерзая, мама мысленно закрывала собой нас, своих детей, от уколов, электродов, выкачивания крови, а когда приходила в себя, мысленно лечила нас, молилась Богу и Богородице, просила спасти и сохранить нас. Господь и Его Пречистая Мать слышали материнскую молитву.

После возвращения из плена в СССР маму тут же осудили по статье за предательство родины. По советским законам, она, военный фельдшер, не имела права вместе с малолет-

ними детьми сдаваться на милость врагу при сдаче Брестской крепости. Срок отбывала в лагере на Дальнем Востоке. Сразу после развенчания культа личности Сталина выехать в Запорожье не могла, да и опасалась своим возвращением запятнать биографию дочерей, которые побывали в Освенциме. Увидеть меня живой она не надеялась.

СИБИРЬ: БАЙКАЛ, АНГАРА

Деканат готовился торжественно вручить мне «красный» диплом. И тут я опять попал в поле зрения НКВД, переименованного к тому времени в КГБ. Из беседы-допроса, устроенного сотрудниками этого ведомства, выходило, что узник Освенцима и реабилитированный зэк, верующий в Бога, не желающий вступать в комсомол, не достоин «красного» диплома и вообще не имеет права на высшее образование. Опять меня выручил еврей — декан факультета Моисей Дионисович Потебня. Он тет-а-тет шепнул: мол, выдам тебе синий диплом, а ты немедленно уезжай из Запорожья куда-нибудь подальше. И я с «синим» дипломом отправился в Иркутск, где жила после выхода из детдома моя младшая сестренка Тая. Устроился работать в проектное управление «Оргбумдрев», занимался пуском и наладкой оборудования КИПиА на Байкальском ЦБК. В 68-м проходил военную переподготовку на острове Даманский, где в разгаре был военный конфликт с КНР. Помог военным спецам разобраться в чертежах и запустить ракетную установку «Град».

Потом опять своим чередом потекла мирная жизнь. Длительные командировки на Сахалин, Дальний Восток, в Приамурье, Забайкалье и другие места, где работали или пускались целлюлозно-бумажные комбинаты и надо было монтировать приборы КИПиА. Наконец, в 1974 году меня вызвали в Усть-Илимск монтировать оборудование КИПиА, поступающее на строящийся Усть-Илимский ЛПК. Курировал поставки импортного оборудования. Продвинулся до заместителя главного инженера целлюлозного завода по КИПиА. Моя кандидатура как специалиста, владеющего несколькими иностранными языками, фигурировала среди претендентов на должность постоянного зарубежного представителя в Париже по поставкам импортного оборудования для УИ ЛПК. Но... Помню, руководитель так называемого первого отдела дирекции строящихся предприятий комбината со словами: «Скрытый вы человек, Виктор Степанович Ефимов», — учинил мне допрос с подробным письменным изложением событий давно минувших дней. Все, что рассказал вам, поведал тогда и «гэбэшнику». А потом по его требованию еще и описывал свои «хождения по мукам» всю ночь. Тут же меня отстранили от руководящей должности. Но, слава Богу, не посадили. Да и мои знания, любовь к делу остались со мной. С удовольствием занимался монтажом и испытаниями импортного оборудования непосредственно на производстве. Так, рядовым инженером, проработал до 2003 года, последние пять лет — бригадиром слесарей по ремонту КИПиА. Потом вышел на пенсию. Вырастил троих сыновей. Есть внук Степан. Назвали в честь моего отца — командира танкового подразделения, который погиб в жесточайшем сражении с фашистами под деревней Прохоровка на Курской Дуге. Я ездил на место битвы, нашел фамилию отца на мемориале павшим воинам. Вся жизнь — при советской власти тайно, при новых порядках явно — я верил в Бога. Как только открыли храм в Усть-Илимске, стал ходить на службы, а теперь я алтарник, стараюсь все свободное время отдать служению Богу. ■

ВИТАЛИЙ РАУЛ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «РУССКОГО СЛОВА»

«НАРОДНАЯ ВОЛЯ» ПЕРЕД СОВЕТСКИМ СУДОМ

ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОЦЕССА И. Ф. ОКЛАДСКОГО

Процесс И. Ф. Окладского, состоявшийся в начале 1925 года в Москве, о котором пойдет речь в предлагаемой читателям статье, представлял собой показательную форму отправления большевистского правосудия, для которой специально отбирался скандальный материал, дававший возможность представить широкой общественности новое советское законодательство в его непримиримой борьбе с остатками самодержавной власти и представителями ее охранных структур.

ОКОНЧАНИЕ (НАЧАЛО РС 6/2014)

Февральская революция 1917 года пробудила немалый и острый интерес российских либеральных кругов к делам и архивам Департамента полиции. Временное правительство, пришедшее на смену монархии, поспешило заявить о замене полиции милицией, но это было не продуманное решение, а всего лишь констатация свершившегося факта. Массовые антиправительственные выступления в дни февральской революции сопровождались разгромом полицейских учреждений, арестами и избиениями их служащих. В начале марта 1917 года было объявлено о ликвидации Отдельного корпуса жандармов, а затем и об упразднении Департамента полиции. Министры внутренних дел и руководители Департамента полиции арестовали. Новые власти образовали «Особую комиссию по разбору дел Департамента полиции», в которую вошли известный эсер Н. С. Тютчев и историк П. Е. Щеголев. Они были первыми представителями широкой общественности, заглянувшими на кухню спецслужб самодержавного режима. Тютчев задался целью составить словарь полицейской агентуры, и через год работы действительно появился список из 5000 имен секретных сотрудников Департамента полиции. По ходу разбора документов Тютчев публиковал, на его взгляд, самые интересные из них в журнале «Былое». В № 4—5 за 1918 год он поместил два дела Департамента полиции о высочайшем пожаловании некоему Петровскому звания личного почетного гражданина, а затем и потомственного почетного гражданина. Сами всеподданнейшие доклады о пожаловании званий в делах отсутствовали, сохранились только пустые конверты. Однако имевшаяся в деле справка о Петровском позволяла без труда определить, что речь идет об Иване Окладском, проходившем по делу «шестнадцати террористов» в далеком 1880 году. Свое короткое сообщение в «Былом» Н. С. Тютчев назвал «Судьба Ивана Окладского».

Содержавшиеся в нем сведения о превращении рабочего Ивана Окладского в агента спецслужб самодержавного режима не произвели в 1918 году особой сенсации, так как сам Окладский исчез, и не было достоверно известно, жив ли он вообще. Арест Окладского в Петрограде в январе 1924 года, уже при советской власти, стал поводом не только к расследованию деятельности самого Окладского, но и скрытой проверки всей «Народной Воли» как террористической организации. В советские специальные органы пришли люди, прекрасно отличавшие политическую демагогию от реальных фактов и знавшие цену любому человеческому выбору. С этой точки зрения, оценке деятельности «Народной воли» был обеспечен совершенно объективный анализ, а выводы из результатов предстояло делать политическому руководству.

Для работы с подследственным Окладским выбрали старшего следователя петроградского губсуда В. Игельстрема. Сын обрусевшего шведа, Игельстрем был абсолютно лоялен советской власти и в почти ежедневных контактах с Окладским показал себя проницательным и политически грамотным работником. По окончании следствия Игельстрем, по заданию руководства, опубликовал небольшую статью «Иван Окладский. Впечатления следователя», которая и служит нам живым описанием обстановки следствия. Находясь в понятных служебных рамках, Игельстрем все же сумел донести до нас атмосферу общения с таким необычным человеком как Иван Окладский с его разнообразным жизненным багажом. Чрезвычайно интересно описание первой встречи следователя со своим подследственным: «Ко мне ввели невысокого роста, но крепкого старика, который, войдя в комнату, метнул на все очень пристальным взглядом, после чего без приглашения очень удобно уселся на том именно стуле, который для него предназначался, и устался на меня совершенно спокойным

и, я бы сказал даже, насмешливым взглядом. Он имел вид человека, который приготовился к весьма скучной и очень хорошо известной ему канители. Каюсь; я был смущен. Мне приходилось видеть много самых разнообразных преступников, но мне не приходилось видеть человека, над которым тяготели бы такие обвинения и который так бы держал себя... Недаром один из старых народовольцев, видевший его впоследствии, говорил, что лицо его типично для среднего жандармского полковника. Одет он был небрежно, но по всему заметно было, что привык носить он и иные платья и что это лишь маскарад. На вопросы мои он стал отвечать спокойно и почти небрежно... Да, я Окладский, тот самый... При первых же его словах выяснилось, что он великолепно изучил статью Н. С. Тютчева, решил, что это единственный материал, имеющийся против него, и стал, нужно отдать ему справедливость, весьма логично пытаться опорачивать выдвинутые против него положения. Так как он человек, несомненно, очень не глупый, то ему нетрудно было уяснить себе спорные места, и он стал жонглировать фактами, обнаружив изумительную изворотливость». Игельстрем с первых своих бесед с Окладским понял, что его клиент отлично владеет материалом и уличить его, а тем более разоблачить, будет непросто. В обвинительном материале, которым располагало следствие, действительно имелись «спорные места», нуждавшиеся в разъяснении. Н. С. Тютчев, собирая материалы о секретных агентах Департамента полиции, предпочел не публиковать некоторые материалы, так как они представляли собой всеподданнейшие доклады, рапорты руководителей охранных структур и различные справки, написанные для внутреннего пользования. Такого рода документы уже содержали элементы политического заказа и не отражали действительную картину, как ее показывают первичные следственные документы: протоколы допросов, очных ставок и обысков. В случае с Окладским советское следствие располагало обилием материалов, рож-

Николай Сергеевич Тютчев. 1910 год. Италия. Архив семьи Н. С. Тютчева.

денных под пером руководителей спецслужб, начиная от начальника петербургского ГЖУ генерала Комарова и кончая министром внутренних дел Лорис-Меликовым, а вот первичных следственных документов, изобличающих Окладского как секретного агента Департамента полиции, не оказалось ни одного. Вопросов к Окладскому было много, а подкрепить их чем-то реальным и тем самым «припереть его к стенке» следствие было бессильно. Сам Окладский как будто знал эту ситуацию и успешно ею пользовался, отвергая все обвинения.

Основным документом обвинения Окладского, оказавшимся в распоряжении следствия, стал всеподданнейший доклад министра внутренних дел Лорис-Меликова Александру II в январе 1881 года:

«Согласно повелению Вашего Императорского Величества долгом считаю представить первоначальное показание содержащегося в Петропавловской крепости арестанта Ивана Окладского. Опрос его будет продолжаться.

Генерал Адъютант Граф Лорис-Меликов.
26 января 1881 года».

Документ имеет карандашную пометку царя: «Надеюсь, что этим не ограничится». К этому короткому резюме приложен многостраничный документ, исполненный каллиграфическим почерком и имеющий заголовок «Показание Ивана Окладского о месте нахождения тайной типографии в июле 1880 года». Между тем, так называемое «Показание Ивана Окладского» представляло собой всего лишь вольное изложение якобы существующего показания, написанное, скорее всего, одним из следователей для доклада руководству. Тем не менее, содержание «Показания» весьма интересно. Оно открывается описанием дознания... по делу Александра Михайлова! Производившие дознание подполковник Никольский и Товарищ прокурора Судебной палаты Добржинский пришли к заключению, что сведения, сообщенные Михайловым «о знакомствах своих с членами террористической партии», являются крайне скудными и не имеющими практической перспективы. На этом основании следователи вдруг решили воспользоваться показаниями лиц, уже осужденных по делам террористов. Из всех судившихся по «процессу шестнадцати» Никольский и Добржинский выбрали Ивана Окладского, которого они и посетили 22 января 1881 года в Петропавловской крепости, с разрешения министра внутренних дел. Арестант Иван Окладский был по суду «лишен всех прав состояния и предназначен в каторжные работы без срока». Он охотно дал следователям всю информацию о преступных замыслах террористов и назвал имена наиболее активных членов партии, в том числе Александра Михайлова, Желябова, Кибальчича и многих других. Кроме того, он указал примерное местонахождение динамитной мастерской и тайной типографии. Получив «столь ясные указания от Ивана Окладского», следователи в тот же день испросили разрешение у министра внутренних дел «взять Ивана Окладского из крепости и провезти по названным местностям для точного указания домов». На следующий день, 23 января 1881 года, Окладского перевезли из Петропавловской крепости во внутреннюю тюрьму жандармского управления на Фонтанке 16. Для поездки по городу был взят открытый экипаж, в который поместились генерал Комаров, Никольский с Добржинским и Иван Окладский с охранником. Выехали в 10 часов вечера, но, несмотря на поздний час, рабочий паренек сумел указать два дома на Большой Подъяческой 37 и Подольской 11, где

ему приходилось бывать всего несколько раз, почти год назад. Номера квартир Окладский, естественно, не помнил, но их каким-то образом сразу установили. Оказалось, что обе квартиры, с тех пор как их посещал Окладский, по несколько раз переменили жильцов, но и это обстоятельство не помешало поиску. По домовым книгам определили, кто проживал в этих квартирах летом 1880 года. Из всех жильцов следователи обратили внимание на фамилию «канцелярского чиновника Агатескулова». По адресной книге Санкт-Петербурга они уже на следующий день, 24 января 1881 года, установили, что «означенное лицо» в настоящее время проживает в Санкт-Петербурге по Казанской улице дом 38, квартира 18 и «в короткое время три раза меняло квартиру». Немедленно «сделано было распоряжение о производстве обыска и аресте Агатескулова», что этой же ночью было исполнено — Агатескулова арестовали, но он оказался евреем Фриденсоном. Подробное описание всей этой Одиссеи и составляет содержание «Показаний Окладского».

Далее события развивались столь же стремительно. Лорис-Меликов 26 января пишет царю новое экстренное сообщение:

«Долгом считаю всеподданнейше донести до сведения Вашего Императорского Величества, что по заарестовании 24 сего января в Казанской улице, дом 38, проживавшего там под именем Агатескулова, оказавшегося в действительности евреем Фриденсоном, лицом весьма близко стоящим к тайной типографии „Народной Воли“, за означенным домом установлено было строгое наблюдение. 25 числа туда явился молодой человек, назвавшийся при задержании Ставропольским почетным гражданином Георгием Ивановичем Алафузовым. При рассмотрении найденных при обыске в его квартире собственных его фотографических карточек оказалось большое сходство арестованной личности с давно уже разыскиваемым, известным Вашему Величеству по имени, путивльским дворянином Александром Ивановичем Баранниковым (он же Тюриков и Кошурников). Для большего выяснения этого обстоятельства означенные карточки предъявлены были содержащимся в Петропавловской крепости Андриану Михайлову и Ивану Окладскому, из коих последний утверждал, что изображенное на карточках лицо, несомненно, Баранников. Вслед за тем Окладский был доставлен из крепости и по указанию ему задержанного лица, незаметно для последнего, вновь подтвердил несомненное тождество его с Баранниковым». На докладе Лорис-Меликова от 26 января 1881 года имеется карандашная пометка Александра II: «Считаю результат этот весьма важным».

Успехи следователей продолжались, и 27 января Лорис-Меликов доносит царю о новом аресте: «В дополнение к всеподданнейшей записке моей, долгом считаю доложить Вашему Императорскому Величеству, что вчерашнего числа в квартире Агатескулова (в действительности Фриденсон), по Казанской улице, дом 38, задержан снова, под фамилией Сабантьева, давно разыскиваемый студент Киевского университета Николай Николаевич Колодкевич, в чем он уже и сознался. Колодкевич известен, по производящимся делам, как деятельный член Исполнительного Комитета. Дальнейшие допросы и розыски продолжаются». Эту информацию своего министра Александр II удостоил карандашной пометкой: «Браво!». Так, зацепившись за специфическую фамилию Агатескулов, проницатель-

ные Никольский и Добржинский накрыли целую преступную сеть, последовательно арестовав шесть опасных террористов. Документ, озаглавленный «Показания Ивана Окладского о месте нахождения тайной типографии в июле 1880 года», сочиненный самими следователями, без подписи, а только с датой написания — 25 января 1881 года, дает яркое описание непростого пути, пройденного следствием, от указанного Окладским ночью 23 января дома на Подольской улице до ареста преступника по фамилии Агатескулов. До сих пор этот фантастический документ хранится в ГАРФ в Деле № 751, часть 2, 3-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, имеющем заголовок «О задержанном в С. Петербурге назвавшем себя поручиком Константином Поливановым и оказавшимся государственным преступником Александром Михайловым (он же Безменов)», с подзаголовком «О задержании Фриденсона, Баранникова, Колодкевича, Клеточникова и друг.». Все Дело № 751 (части 1 и 2) «О задержанном в С.Петербурге... Александре Михайлове» давно является доступным для изучения, но до сих пор его существование, вместе с содержащимися в нем документами, игнорируют историки, и легенда о «Народной Воле» и ее подлом предателе продолжает тиражироваться. Подлог «Показаний Окладского» настолько очевиден, что не требует никаких дополнительных экспертиз, а только знания уголовного делопроизводства. Столь же очевидна цель подлога: скрыть действительный источник информации.

Советскому следователю В. Игельстрему все документы дела №751 были, разумеется, доступны, и как профессионал он понимал, что «Показания Окладского» не более чем внутриведомственное сочинение, написанное с целью сокрытия другого источника информации, которым дорожили, иначе бы Лорис-Меликов приложил к своему докладу протокол допроса Окладского с его подписью. В январе 1881 года Иван Окладский был уже агентом Департамента полиции и выполнял функции «тюремного агента» в Петропавловской крепости. В этом смысле он был идеальной фигурой для списания на него любой информации, полученной от кого угодно, что и сделали Никольский и Добржинский. Однако эти соображения требовали проверки. Игельстрем уже на первом допросе объяснил Окладскому всю тяжесть обвинений, падавших на него как на главного предателя «Народной Воли», на основании имевшихся у следствия неопровержимых документов. Он предложил Окладскому подробно описать всю свою деятельность в «Народной Воле» и людей, с которыми ему приходилось контактировать. Окладский написал, по существу, свою автобиографию, которая позволила следствию очертить рамки его участия в акциях «Народной Воли» и круг известных ему людей. Это была роль подсобного рабочего, с чисто техническими функциями и минимальной осведомленностью. Образ глобального предателя явно не складывался. Самой заметной фигурой, с которой Ивану Окладскому пришлось непосредственно сталкиваться, был Желябов. О нем он так отзывался Игельстрему: «Вы его не знали, и вам он кажется героем, а я с ним спал чуть не на одном столе и знаю его будничную, ежедневную жизнь. У него были свои достоинства, он был незаурядный организатор и пропагандист, но у него было очень много недостатков, а еще больше тщеславия». Можно с уверенностью утверждать, что Игельстрему пришлось выслушать от Окладского не одну характеристику своих подельников без принятого тогда «революционного пафоса». Кроме своей личной, невысокой оценки практической деятельности народовольцев, Окладский не стеснялся говорить

Иван Окладский. 1880 год.

Родился в 1859 году. Слесарь. Осенью 1879 года был приглашен Желябовым участвовать в покушении под Александровском. Арестован 4 июля 1880 года. В 1881 году подал прошение о помиловании. Служил в департаменте полиции с 1883 года до февральской революции.

следователю о том, что по молодости был вовлечен революционерами в невыгодную сделку, из которой он выпутался лишь благодаря собственному умению и ловкости. По ходу следствия ему, однако, становилось все более ясным, что его упорно хотят выставить основным лицом, провалившим организацию. Игельстрем, естественно, не показывал Окладскому основной документ за подписью Лорис-Меликова, но зато предъявил ему много всякого рода телеграмм, запросов и рапортов из внутренней переписки Департамента полиции, в которых постоянно упоминалось его имя в качестве лица, действовавшего под контролем охранных структур. Общение со следователем приняло для Окладского форму постоянной полемики по каждому отдельно взятому эпизоду. Он упорно не признавал свою ведущую роль в арестах народовольцев. Так продолжалось до конца сентября 1924 года, когда Окладский пожелал дать следствию результирующее показание. Так как оно было впоследствии опубликовано в журнале «Суд идет!», то, скорее всего, его тщательно отредактировали, но и после цензурной обработки последнее показание Окладского звучит как рекем всему следствию. Старику Окладскому уже нечего было скрывать, но отвести от себя напраслину ему все же хотелось. Поэтому, он написал в своем показании от 30 сентября 1924 года, так:

«Резюмируя все написанное и сказанное мною, я, прежде всего, считаю преувеличенной ту худую славу, которой мое имя окружено. Я далек от мысли считать себя виновником разгрома „Народной Воли“ и, в частности, Исполнительного ее Комитета первого состава. Мне неизвестно точно, какие результаты получило царское правительство от выдачи мною двух конспиративных квартир — на Подольской и на Подъяческой улицах. **Мне совершенно не были известны имена владельцев этих квартир по соображениям конспирации. На одной из них, именно, на Подъяческой, я изготовлял динамит. Если хозяин этой квартиры**

жил под фамилией Агатескулов и являлся на самом деле Кибальчицем и если этим именем или, вернее, паспортом пользовался еще Фриденсон, то это большая неосторожность, и я не виноват, что властям удалось благодаря этому напасть на верные следы и того, и другого, ибо я, выдавая эту квартиру, полагал, что она для народовольцев потеряла уже всякое значение. Того же мнения я держался и относительно второй квартиры на Подольской, квартиры, где я часто бывал, где бывали многие народовольцы и где я должен был получать все сведения о Желябове, если я не встречал его на улице. С Желябовым меня связывали, как я говорил уже, тесные узы, начавшиеся еще до Александровска. Желябов предназначал меня на новые крупные дела, и не будь я арестован, я, несомненно, принял бы участие в акте 1-го марта. Я не был так близок к Исполнительному Комитету партии, как об этом говорят. Я не участвовал в Липецком съезде и совершенно не был знаком с общей программой действий партии, которая и поручила мне изготовление динамита... Я категорически утверждаю, что Тригоны, иначе „Милорда“, я никогда в жизни не видал и совершенно не могу объяснить, почему имеется документ жандармского управления, свидетельствующий о том, что Тригоны был мне предъявлен и был мною опознан, как то самое лицо, которое носило на свободе кличку „Милорд“. Равным образом, я протестую против той роли, которая отводится мне в истории „Народной Воли“ и революционного движения вообще. Я не великий провокатор, отнюдь нет. Когда я слышу, что мне приписывается разгром „Народной Воли“, то я говорю, что это мне слишком много чести. Я не знаю, чем объясняется то обстоятельство, что и во всеподданнейших докладах, и во всех документах, исходящих от Департамента полиции и жандармских управлений, имеется перечисление моих заслуг, таких заслуг, которых я за собой не знаю. Я не знаю, почему, в частности, указывается на то, что благодаря мне были обнаружены лица, принимавшие участие в акте 1-го марта... Несмотря на милости, кои были мне оказаны царским правительством в виде возведения меня сначала в личное, а затем и в потомственное гражданство, тем не менее, я совершенно не разделяю той точки зрения, которой держатся в отношении меня старые народовольцы, именую меня одним из величайших провокаторов. Я слышал вообще о процессе „Двадцати“, но не знаю, какая участь постигла осужденных по нему. Я не склонен видеть среди некоторых участвовавших в нем лиц — свои жертвы. Я считаю плодом фантазии рассуждение о том, что я привел некоторых народовольцев к эшафоту и многим и многим исковеркал жизнь. „Народная Воля“ погибла без моего участия, так, по крайней мере, я нахожу».

Последнее показание Окладского было опубликовано еще до суда над ним вместе с остальными материалами, которыми оперировало следствие, в номерах 8—10 за 1924 год журнала «Суд идет!». Факт его публикации знаменателен тем, что Советская власть показала уцелевшим народовольцам, что после восьми месяцев следствия Окладский не изменил своей позиции в отношении арестов в январе—феврале 1881 года и продолжал утверждать свою непричастность к информированию Департамента полиции. Сделал он это в самой корректной форме, не указывая ни на кого пальцем, объяснил следствию, что просто не располагал сведениями о руководителях «Народной Воли», будучи совсем молодым человеком и выполняя в организации чисто технические функции.

Следственные действия по делу Игельстром производил под контролем ГПУ и знакомил Окладского только с документами, из которых невозможно было делать какие-либо объективные выводы. Главный документ следствия — всеподданнейший доклад Лорис-Меликова из Дела № 751 «О задержании... Александра Михайлова» — так Окладскому и не предъявили. На процессе о существовании этого документа также не было сказано ни слова. Нет никакого сомнения, что Окладский, познакомившись с таким документом, без труда разгадал бы всю комбинацию, которую проделал с ним Департамент полиции и, возможно, даже назвал бы фамилию настоящего информатора. Советское следствие, однако, не было заинтересовано в дискредитации «Народной Воли» как революционной организации, поэтому Иван Окладский второй раз в жизни стал жертвой политической интриги. Неприятным моментом во всей этой детективной истории было участие в ней профессора П. Е. Щеголева, который своими «историческими консультациями» освещал следственно-судебный процесс. Он отлично знал не только детали «агентурной» работы Окладского, но и всю политическую подоплеку его дела. Историк Щеголев без труда усвоил, что советская власть собирается возвысить «Народную Волю» до героического уровня, а для этого нужен предатель в ее рядах, желательна мелкий и корыстный. Щеголев принял заказ властей и вписался в советский исторический оркестр на правах первой скрипки.

Материалы следствия поступили в Верховный суд РСФСР и стали доступны назначенным для Окладского защитникам. Здесь для советского правосудия вдруг возник неприятный сюрприз в виде противостояния официальному обвинению профессиональной адвокатуры. Политическая демагогия в советском варианте столкнулась с международными стандартами юриспруденции. Более захватывающего зрелища в 1925 году придумать было невозможно. На беду советской власти, процесс проводился в Колонном зале Дома Союзов в Москве, был доступен для прессы и получил широкий резонанс. Таким паблисити советская власть была обязана народному трибуналу, бессменному Прокурору республики, а в недалеком прошлом Главнокомандующему русской армии, Николаю Васильевичу Крыленко. Пламенный революционер, Крыленко, целиком отдаваясь партийным делам, учился урывками, но умел с лихвой восполнить провалы в образовании пролетарской ненавистью к эксплуататорам. Советская власть доверила Крыленко поддержать государственное обвинение предателя-провокатора Ивана Окладского, «выдавшего подлежащим властям виднейших деятелей „Народной Воли“». Защитниками на процессе выступили профессиональные юристы: Матвей Александрович Оцеп и профессор международного права Семен Борисович Членов. Интрига процесса развивалась в треугольнике: государственное обвинение — защита — историческая экспертиза (проф. Щеголев). На первом же заседании процесса защита заявила о необходимости отправки дела на следствие ввиду полного отсутствия документов о деятельности Окладского в Департаменте полиции с 1890 по 1917 год. Защитник Членов обратил внимание суда на слабое место в обвинительном заключении: «Окладскому вменяется в вину провокаторская деятельность в период с 1880 года по 1917 год. Связь Окладского с Департаментом полиции с конца 1880 года до середины 1890 года — не подлежит сомнению. Провокаторская деятельность Окладского в период с 1890 по 1917 годы обосновывается в обвинитель-

Иван Федорович Окладский в зале суда в ожидании приговора. Москва, Колонный зал Дома Союзов.

Предательство Окладского было раскрыто в 1918 году Н. С. Тютчевым. В 1924 году был арестован и 10–11 (20) января 1925 года приговорен Верховным судом РСФСР к смертной казни, замененной в связи с преклонным возрастом десятью годами лишения свободы. Умер в заключении в 1925 году.

ном заключении не юридическим, а логическим путем: Окладский вплоть до февраля 1917 года получал из Департамента полиции 150 руб. жалования, за что именно неизвестно, а так как Окладский до того времени был провокатором, то, естественно, он мог и после 1890 года заниматься тем же делом». С. Б. Членов указал суду, что по этому вопросу в следственном материале получился огромный пробел, который должен быть заполнен путем направления дела на следствие. Эксперт Щеголев пояснил, что для фактического, а не логического разрешения этого вопроса надлежит перевернуть все секретное производство Департамента полиции за период 1890—1917 г.г. — задача объективно невозможная для целого десятилетия. Другой защитник, М. А. Оцеп, говорил о необходимости обследования всего судопроизводства по делам террористов, а именно процессов 16-ти, 17-ти, 20-ти и дела 1-го марта. Против направления дела на следствие по мотивам, приведенным защитой, с категорическими возражениями выступил государственный обвинитель Крыленко. Он считал, что для восполнения белых пятен в следственном материале существует судебное следствие. В итоге суд отверг требование защиты и продолжил заседания. Судебному следствию тон задавал государственный обвинитель, направивший всю свою энергию на выяснение малозначащих обстоятельств: деталей ареста Окладского в июле 1880 года, условий его содержания в Петропавловской крепости и т.д. Крыленко попытался представить написанную Окладским автобиографию сплошным вымыслом, а самого «рабочего Ивана» — отвратительным лжецом. Забывчивость подсудимого, которому предлагалось вспомнить детали событий сорокалетней давности, Крыленко подверг самому суровому остракизму и сделал ее чуть ли не главным доказательством его предательской сущности. Хладнокровие, однако, не изменило Окладскому. Он обезоруживал народного трибуна здравым житейским смыслом и отличным знанием специфики политического сыска. Историческая экспертиза профессора Щеголева оказалась бессильна выявить у Окладского харак-

терные признаки «секретного агента»: наличие агентурной карточки в картотеке с присвоенной кличкой, присутствие в ведомости выплаты жалования и, главное, наличие секретных донесений, написанных рукой агента. Защитник Членов имел полное право спросить эксперта Щеголева: «Что же это за секретный сотрудник, у которого нет ни одного признака секретного сотрудника?» Все вместе взятое: пропагандистский запал государственного обвинителя, избирательная историческая экспертиза Щеголева и сокрытие главных и бесспорных документов сделали процесс полностью политически ангажированным. В своей обвинительной речи Крыленко дал волю своей революционной ненависти к подлому предателю честных и бесстрашных революционеров «Народной Воли», используя лексику и штампы советской печати. Его требование безоговорочного расстрела 65-летнего старика за преступление 45-летней давности, имеющее все признаки недоказанного, ошеломило всех присутствующих. Крыленко, следуя партийной указке, совершил немислимое: поправ все общепринятые юридические нормы, он потребовал смертной казни для человека из другой системы правовых координат, обвиняя его на косвенных, сомнительных доказательствах и при этом скрывая прямые улики. За такой моральный подвиг ему полагалась от советской власти награда. Защитники Окладского, не рассчитывавшие на советские бонусы, прокомментировали в своих речах умозаключения Крыленко сдержано, но профессионально. Защитник Б. С. Членов в осторожных выражениях высказался о целесообразности проведения работы по выяснению и оценке исторических фактов не в Верховном суде, а в научном историческом сообществе. С этой точки зрения, вполне возможно, сказал он, Суд истории через какое-то время скажет, что Верховный суд РСФСР в 1925 году располагал весьма недостаточными историческими данными. После такой преамбулы Членов коротко охарактеризовал все обвинение: «На чем строится обвинение Окладского? Оно строится, в первую голову, на том, что его деятельность обрисована в рапортах и докладах директоров департамента полиции и министра внутренних дел. Мы имеем несколько документов с периода 1892-го по 1902-й год. Эти документы никто не брал под сомнение, и меньше всего обвинение, потому что оно все на этих документах построено». Замечание — не в бровь, а в глаз, тем более что обвинительное заключение целиком являлось сочинением Крыленко. Затем Членов делает совсем конкретное замечание в адрес обвинения: «...Когда вы начинаете перечислять, кого выдал Окладский, нужно иметь в виду, что одно дело — прямая выдача, когда он сказал: такого-то можно найти там-то, а другое дело, когда выдаешь пустую квартиру, причем, благодаря пустой квартире — и этого он уже не знал и не мог предвидеть — провалился целый ряд виднейших революционных работников, и даже не в квартире, а через паспорта, тут совершенно разная форма зависимости и причинной связи». По поводу требования обвинения расстрелять Окладского, Членов заметил, что не видит на скамье подсудимых активного контрреволюционера, для которого требуется уничтожение. Защитник А. М. Оцуп, хотя и был в своей защитительной речи много осторожнее своего коллеги, все же отметил, что рассматриваемые судом события нуждаются в изучении непочатого круга документов, который ждет своего раскапывателя и исследователя. Версия событий по Окладскому заслуживает такого же внимания, как и версия обвинения, по крайней мере, до того момента, когда станет известна вся полнота данных, тающихся

в архивах. Одним словом, историческая достоверность должна стать основой судебной достоверности. С чисто судебной точки зрения, документально установленной, нельзя, по мнению Оцупа, ставить вопрос о расстрельных последствиях, которые прозвучали в устах обвинителя.

Процесс подошел к концу, и Окладскому предоставили последнее слово. Он встал и развернул свернутый в трубку лист бумаги, который все время держал в руках. Текст, написанный, по-видимому, крупными буквами, Окладский прочитал без волнения: «Граждане судьи, после сказанного моими защитниками мне много говорить не приходится. Дело достаточно ясно. Я признаю себя виновным, но не в той громадной степени, как это представлено экспертом, свидетелями и прокурором Республики. Моя преступная деятельность закончилась в 1890 году, и с этих пор я жил мирным гражданином. Если бы я был казнен в 1880 году, то так бы и умер честным революционером, но этого, к сожалению, не случилось...»

Решение по приговору принималось в ходе шестичасового совещания суда. Неизвестно, чей голос стал решающим в определении судьбы Окладского, но, скорее всего, свою роль сыграла принципиальная аргументация защиты. Вердикт Верховного суда гласил: «Приговорить гр-на Окладского Ивана Федоровича, его же Петровского, по ст. 67 Уг. Кодекса к высшей мере наказания и конфискации всего имущества. Однако, принимая во внимание давность совершенного преступления и преклонный возраст, Верховный суд находит возможным заменить высшую меру наказания десятью годами лишения свободы со строгой изоляцией».

Советская власть, таким образом, помиловала «рабочего Ивана» точно так же, как это сделал самодержец Александр II в далеком 1880 году. После приговора Окладскому партия «Народная Воля» официально превратилась в предшественницу партии большевиков, получив статус революционной. Исторический вакуум борьбы с самодержавием был заполнен полноценной организацией со своими героями и предателем, которого нашел справедливый приговор. Живую историю подравнивали в соответствии с революционной целесообразностью. Неизвестно, где и как закончил свои дни Иван Окладский, зато известна судьба участников его процесса. Государственный обвинитель Н. В. Крыленко и дальше совершенствовал советскую судебную систему, пока сам не попал под ее колеса. Товарищи по партии в 1937 году заподозрили его в участии вместе с Н. И. Бухариным в заговоре против Сталина. Арестовали Крыленко в ночь на 1 февраля 1938 года. На следствии он во всем сознался и дал письменные показания. Процесс Н. В. Крыленко состоялся 29 июля 1938 года и занял всего двадцать минут. Приговор: высшая мера наказания с конфискацией имущества. В тот же день его расстреляли. В число заговорщиков против товарища Сталина попал и профессор международного права С. Б. Членов, расстрелянный в порядке репрессии по первой категории в списке «Москва-центр» в июне 1937 года.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. В статье использованы материалы фонда 109 ГАРФ РФ, дело № 751, ч. 2, а также материалы публикаций в журнале «Суд идет!», №8—10, и сборника «Процесс предателя-провокатора Окладского-Петровского», Ленинград, 1925 г.
2. Выделенный текст, как в журнале «Суд идет!».

ЧЕШСКАЯ ДРУЖИНА И ЕЕ ПЕРВЫЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ

ЧАСТЬ 11/2

ОПАЛЬНЫЕ И ЗАБЫТЫЕ ПЕРВОПРОХОДЦЫ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ.
ПОД РУКОВОДСТВОМ ФИЛИАЛА
ЧС НАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕТА В РОССИИ

1917 ГОД

Шел третий год войны. Нарастало политическое напряжение в Российской империи. В чехословацкой общине, которая значительно пополнилась освобожденными военнопленными, работавшими на предприятиях и находившимися в лагерях, росло противостояние между петроградскими сторонниками демократической республики и киевскими умеренными монархистами. Так, еще 26 июля 1916 года три добровольца из казармы в киевском университете пришли в канцелярию Союза ЧС обществ и сообщили, что Б. Павлу и Коутняк агитируют воинов против Союза и доктора Вондрака. Военный отдел послал в казарму прапорщика О. Гусака и доктора Левитнера расследовать это и составить протокол¹. Это был серьезный признак противоречий между петроградской и киевской группами.

К концу 1916 года в Союзе ЧС обществ России выросла большая группа активистов — «Клуб сотрудников союза

ЧС обществ». Такое нейтральное название имел верховный орган движения чехословацких военнопленных, организованный в соответствии с решением II съезда, в целях конспирации. Он руководил самоуправлением в лагерях военнопленных, агитировал вступать в войско, принимал заявления добровольцев, перевозил их из лагерей в Киев, распространял земляческие газеты, распределял денежную и продовольственную помощь. Инициатором его создания и руководителем был военнопленный Владимир Халупа. В Клуб входили десятки образованных демократически настроенных агитаторов и доверенных лиц военнопленных. Большинство сотрудников были добровольцами из рядов пленных — «людьми из дома». Они становились сторонниками петроградских политиков, приверженцев Т. Г. Масарика, и оппонентами якобы консервативных «местных из колоний», основателей «одбоя» (сопротивления) и Дружины в 1914 году. Высокомерное отношение «людей из дома» к российским чехам заметил еще осенью 1916 года писарь штаба 1-го полка, прикомандированный к группе агитаторов Клуба сотрудников,

Ярослав Гашек. Он опубликовал статью «Чем мы обязаны русским чехам»² и подпisał ее псевдонимом «доктор Владимир Станко». Он писал: «...пришли мы (в плен — *авт.*) не информированные, разобщенные. Необходимо было, чтобы нам кто-то указал путь. Сделали это русские чехи. Кто создал чешское войско? Кто информировал Государя о наших стремлениях к самостоятельности? Кто финансово поддерживал все наше движение в его начале? — русские чехи... Поэтому больше должна быть наша благодарность тем, кто первый поднял чешское знамя и взял на плечо винтовку для его защиты». И далее: «А мы, пришедшие в Россию, следовали за ними. Русский чех был хорошим лоцманом, знал все подводные камни, на которые неискушенный рулевой, не знающий течения, мог бы наткнуться. В этих условиях мы хорошо продвинулись вперед к цели».

Началась клевета на членов союза ЧС обществ. Сторонник Дюриха Коутняк напечатал в «Чехословаке» статью, порочащую А. Тучека, а при дискуссии на-

² Vladimír Stanko. Čím jsme povinni ruským Čechům. Čechoslovan. Č. 25. 4.09.1916.

Баррикады на Литейном проспекте во время Февральской революции. Конец февраля 1917 года. Открытка. Государственный музей политической истории России.

звал его предателем. Тучека это довело до нервного срыва. В январе 1917 года в Киеве Клуб сотрудников во главе с В. Халупой и Й. Патеидлом организовывал собрания военнопленных без ведома руководителей Союза ЧС обществ на заводах «Гретаера и Криванека», «Ауто», обувном на Кудрявской, в «Возовке», Народной аудитории, в помещении пожарного депо на Демиевке и в мастерских на Трухановом острове. На этих собраниях проводилась агитация против Союза ЧС обществ.

А. Тучек не соглашался с «петроградскими», отклонял полное подчинение земляческих организаций поселенцев в России Чехословацкому национальному совету, находящемуся за двумя фронтами в Париже. Контакты В. Вондрака с высшим российским командованием и аудиторией у царя петроградские считали превышением им полномочий.

М. Штефанек, единственный военный в ЧС национальном совете, требовал отстранения В. Вондрака от политической жизни³.

³ Poslední měsíce před unorovým převratem roku 1917. Věstník US Čechů a Slováků z Ruska. Roč. XVI. Č. 2. 1935. S. 12.

В Петрограде произошла Февральская (Мартовская, по-чешски) революция. 28 февраля (ст.ст.) З. Рейман приехал в Петроград из спокойного Киева. Николаевский вокзал в пламени. На улицах стреляют, у офицеров отбирают сабли. 4 марта было сформировано Временное правительство. В Кронштадте матросы у памятника адмиралу С. О. Макарову расстреляли 40 офицеров и адмиралов. Адмирала Р. Н. Вирена закололи штыками⁴.

Временное правительство вскоре признало Клуб сотрудников и легализовало его. В нем было около 300 активистов. Их деятельность развернулась во многих ближних и отдаленных в глубине России лагерях военнопленных. Пропагандировалась идея Т. Г. Масарика — создать большое войско. В Киеве шла подготовка к III съезду Союза ЧС обществ. Из Петрограда заранее приехали Й. Клецанда и Я. Шпачек проводить агитацию против Союза ЧС обществ. Это насторожило Г. Й. Йиндржишека и его коллег. Он сказал: «Что, созрели черешни, поэтому

⁴ Pichlík, Karel. Deník Zdenka Rejmana. Historie a vojenství. Roč. 49. 2000. Č. 3. S. 685.

прилетел Шпак (скворец — *авт.*)? Ведь Киевский Союз ЧС обществ уже признал свою подчиненность парижскому центру, был подписан „Киевский протокол“».

В. Вондрак перед съездом издал брошюру «Почему у нас до сих пор нет войска». В ней он изложил противоречия между политическим группировками и между ними и властями, которые тормозили комплектование войска.

Тогда Союз ЧС обществ имел на учете 25 тысяч военнопленных, приписанных к войску, подписавших обязательства явиться немедленно при мобилизации на призывной пункт.

ТРЕТИЙ, «РЕВОЛЮЦИОННЫЙ» СЪЕЗД СОЮЗА ЧС ОБЩЕСТВ

Военнопленные, освобожденные из лагерей, послали на съезд 141 делегата, военные из полков — 86 делегатов. Старожилы, российские чехи и словаки, т.е. «люди из колоний», делегировали 55 представителей.

Третий Съезд Союза чехословацких обществ в России проходил с 6 по 14 мая 1917 года в актовом зале Коммерческого института и Киевском университете.

7 мая он провозгласил высшим органом всего чехословацкого освободительного движения Парижский Чехословацкий Национальный Совет во главе с профессором Т. Г. Масариком, который на съезде не присутствовал. Он был в Лондоне. Заметим, что на трех прошедших съездах Союза ЧС обществ и следующем Челябинском в 1918 году «высших политических вождей» не было. Съезды были истинно народными.

Парижский чехословацкий национальный центр был далеко, за Германией и фронтами, поэтому Съезд избрал «Филиал Чехословацкого Национального Совета для России» в составе 30 человек. Председателем его был избран также профессор Т. Г. Масарик. Местом пребывания Филиала ЧСНС определили Петроград. В Киеве разместились две его комиссии: военная и по делам военнопленных. Союз ЧС обществ в России сохранился как организация местных, российских чехов. Его функции были сведены к решению консульских и социальных вопросов, организации лечения раненых, защите инвалидов, семей погибших и др. Председателем его избрали киевского хирурга В. Гирсу, который вошел также в состав Филиала ЧС Национального Совета для России.

Съезд назвали революционным — власть в освободительном движении перешла от «людей из колоний» к «людям из дома», как их называл Т. Г. Масарик в приветствии II Съезду. Позже генерал Отакар Гусак назвал этот съезд «тихим дворцовым переворотом».

«Клуб Сотрудников Союза», состоявший в основном из бывших военнопленных, вышел из Союза ЧС обществ и влился в Филиал ЧСНС Т. Г. Масарика. Теперь в доме со шпилем на ул. Большой Подвальной №1 проходили работы совещания отделов, работали канцелярии Филиала ЧСНС. Союз Чехословацких обществ перешел в дом на ул. Владимирской 43.

Революционный результат съезда состоял также в том, что инициаторы «Первого одбоя (сопротивления) на Руси», создававшие с августа 1914 года Дружину, полки, бригаду и руководившие движением в России на протяжении почти трех лет: А. Тучек, В. Вондрак, З. Рейман, Я. Вольф, Й. Йиндржишек, Ф. Дедина, Й. С. Коничек и др. — не были избраны в новый руководящий орган Чехословацкого освободительного движения — «Филиал ЧСНС», они остались вне большой политики. Один только представитель словаков Йосеф Оршаг был избран в состав ФЧНС.

ПРИЕЗД Т. Г. МАСАРИКА

После съезда, 16 мая 1917 года, в Петроград приехал из Лондона через Швецию Т. Г. Масарик. «Он сразу взял руль чехословацкого корабля. Определил направление, обходив все возможные Сциллы и Харибды русской революции, смело и с доверием к себе повел корабль к цели по бушующим волнам русского океана»⁵. Он с первых дней начал развивать связи с членами Временного правительства, послами стран Антанты и выступать на собраниях общественности столицы.

Объяснение причин «революции» на Третьем съезде можно найти в текущих и более поздних выступлениях Т. Г. Масарика. Так, 31 мая, выступая на собрании чехов и словаков Петрограда, он сказал: «... надо создать большую чехословацкую армию — один, два корпуса, чтобы она была видна на фронте... а мы в России пробыли («пропались», как в источнике — *авт.*) почти три года, пора бы уже и работать»⁶. Этой фразой он выразил низкую оценку почти трехлетней деятельности российского землячества на фронте и в тылу. Фразу Т. Г. Масарика «Здесь за три года ничего не сделано» встречаем в ряде публикаций разных авторов^{7, 8}.

Контрастом этому суждению стал бой у Зборова 2 июля, в котором чехословацкая бригада приняла участие как единое формирование из трех полков (3500 человек) и прорвала участок фронта. Узнав об этом, Т. Г. Масарик через две недели говорил на встрече в Борисполе с добровольцами запасного батальона: «Несколько успехов как у Зборова, и наше дело будет выиграно!»⁹

30 июля 1917 года, выступая в Киеве в Кредитном учреждении, Т. Г. Масарик сказал: «Недостаток прежнего свергнутого военного руководства состоял в том, что в нем не было военных специалистов»¹⁰. То, что и в новом Филиале ЧСНС

⁵ Chodorovič, Nikolaj Alexandrovič. *Odbojové hnutí a Československé vojsko v Rusku (1914—1917)*. Praha. 1928. С. 153.

⁶ Řeč prof. Masaryka na schůzi Československého spolku v Petrohradě (31 května 1917). *Masarykovy projevy a řeči za války*. D. II. 1920. S. 35. Připravil J. Papoušek.

⁷ Pospíšil, Georgie. *Neuznalý vlastenec JUDr. Václav Vondrák. Hospodář (USA)*. Č. 4. Duben 2007.

⁸ Cholínský, Jan. *Zneuctění a zapomenutí. Rozpravy*. 2/99. S. 18.

⁹ Prof. Masaryk v dopolnovacím praporu (27—28 července 1917). *Masarykovy projevy a řeči za války*. D. II. 1920. S. 61.

не было профессиональных военных, его не смущало. Позже, в 1925 году, в своих воспоминаниях¹¹ Т. Г. Масарик осуждал как не правовой акт инициативу Союза ЧС обществ: «В 1915 году д-р В. Вондрак подал от киевских министерству иностранных дел и военному министерству проект чешского войска. В нем просил власти России признать Союз ЧС обществ представителем чешского народа. Просителям не пришла мысль, что необходимо иметь мандат от народа, чтобы иметь в России авторитет. Ведь российская власть не может определять, кто в праве представлять наш народ. Они могут представлять только наших колонистов, российских граждан, сами граждане России. Просили о малом войске, только одной дивизии, которая могла бы выступить лишь при оккупации Словакии...»

Среди устраненных инициаторов сопротивления в 1914—1917 годах оказались известные и заслуженные личности. Бывший военный министр ЧСР О. Гусак назвал их «руководящим триумvirатом»: Алоис Тучек, Вацлав Вондрак и Зденек Рейман¹². Судьбы их и их соратников после «Революционного съезда» сложились по-разному. Расскажем о некоторых из них.

АЛОИС ТУЧЕК (1881—1925)

Его президент Т. Г. Масарик в своих воспоминаниях назвал «организатором Дружины»¹³, О. Гусак — «первым в триумvirате руководителей»¹⁴, а «Оттова энциклопедия нового времени» называет «главным организатором Чешской Дружины»¹⁵. В начале 1917 года, еще до съезда, он отказался от участия в деятельности ЧС Национального совета (Дюриха). В мае, после съезда, он сдал свои дела председателя военного отдела избранному съездом руководству Филиала ЧСНС в России и отказался от политической деятельности среди земляков. А. Тучек начал работать в Киеве на «Чешской возовке» Й. Йиндржишека,

¹⁰ Zuman, František. *Osvobozenká legenda*. Díl II. S. 216.

¹¹ Masaryk, T. G. *Světová revoluce za války a ve válce 1914—1918, vzpomínání a uvažuje*. Praha. 1925. S. 180.

¹² Husak, Otakar. *Zdenek Ivanič Rejman. ČS legiónář*. Roč. XII. Č. 32. 1930. S. 3.

¹³ Т. Г. Масарик. *Мировая революция*. Авториз. перевод. 1925. С. 195.

¹⁴ Husak, Otakar. *Zdenek Ivanič Rejman. ČS legiónář*. Roč. XII. Č. 32. 1930. S. 3.

¹⁵ Ruská legie. *Ottova encyklopedie. Česka republika, historie. Stát. Společnost. Příloha 4*. 2006. S. 184.

Выступление Т. Г. Масарика перед добровольцами и киевскими чехами во дворе университета св. Владимира, «большой табор». Киев, 3 августа 1917 года.

заявляя место технического администратора, освободившееся после отъезда инженера С. Гужвица на Кавказ. Теперь бывшие автомобильные мастерские фирмы «Лаурин и Клемент», проданные им в 1914 году, стали цехом «Возовки».

После октябрьского переворота А. Тучек под влиянием Ярослава Гашека начал сотрудничать с новой властью, но несколько месяцев спустя, увидев ужасы красного террора, отношения с большевиками прекратил. В конце 1918 года, после провозглашения Чехословацкой республики, А. Тучек приехал с репатриантами на родину. Здесь он не был востребован ни на государственной службе, ни в политике. В деловом мире высоко ценили его работу в фирме «Лаурин и Клемент» в России, и акционерное общество «Чехомашина» при заводах «Шкода» приняло его экспортным руководителем. В 1922 году он встретился с В. Вондраком, который, приехав из России, также получил здесь работу. Общественная деятельность его «находила» везде. Еще летом 1920 года А. Тучека избрали председателем «Круга стародружинников». В 1924 году он к 10-й годовщине образования Чешской дружины в России написал книгу *Prvých*

tisíc branného odboje. Ее издал «Круг стародружинников», не указав имя автора. О том, что ее написал А. Тучек, мы узнали из книги А. С. Калины¹⁶, а в библиотеке нам ее дали под авторством Е. Ульриха, французского добровольца. А. Тучек продолжал работать в «Круге стародружинников» до самой смерти, наступившей в 1925 году, в неполных 44 года. Урна с пеплом из крематория была передана в Памятник освобождения, а оттуда в колумбарий выдающихся личностей, воевавших за освобождение родины.

В 1931 году друзья отметили пятидесятилетие со дня его рождения публикацией статьи в печати¹⁷. В заключении ее автор напоминает читателям о той значительной работе, которую выполнил умерший в первом заграничном сопротивлении.

А нас мучает вопрос, почему В. Вондрак, А. Тучек и многие из добровольцев первого сопротивления оказались отвергнуты и забыты?

¹⁶ Kalina, Antonin. *Krví a železem. Dobyto československé samostatnosti*. Praha. 1939. S. 87.

¹⁷ Autor V. P. *Za bratrem L. V. Tučkem. Československý legiónář*. Č. 41. 1932. S. 1.

ВАЦЛАВ ВОНДРАК (1880—1962)

После Третьего съезда Вацлав Вондрак вынужденно отошел от военных дел. Будучи российским подданным, он продолжал быть гласным Волынского земства. В ноябре 1917 года баллотировался в Учредительное собрание России по списку конституционных демократов (кадетов). С ЧС корпусом с Украины не ушел. Во время вторжения немцев в Киев он был ими в 1918 году арестован, шесть недель содержался в тюрьме. От расстрела его спасло ходатайство киевского православного архимандрита. Выйдя на свободу и спасаясь от ареста австрийцами, он уехал на юг в Добровольческую армию. В 1919 году генерал А. Деникин послал его в качестве своего представителя в молодую Чехословацкую республику¹⁸. Но власти республики его не приняли. Он остался в Праге и начал работать в Комитете помощи русским студентам в Русской акции, но был выведен

¹⁸ Вацулик, Ярослав. *Председатель союза чехословацких обществ в России Вацлав Вондрак. Славянский сборник*. Вып. 10. Изд. «Наука». 2012. С. 47—57.

из него министерством иностранных дел Э. Бенеша, несмотря на большие заслуги в освободительном движении¹⁹. С 1922 года он работал в торговой фирме «Чехомашина» при заводах «Шкода», где встретил А. Тучека — руководителя экспортного отдела. Часто выезжал по работе во Францию, Германию, Польшу и Турцию.

В Национальном архиве хранятся его заявления на выдачу дорожных паспортов и старые паспорта 1920—30-х годов с множеством отметок пересечения границ. Из справки ЧС посольства в Варшаве, датированной 11.12.1923, следует, что 4 февраля 1919 года он был представителем России (вероятно, армии Деникина), дважды в 1921-м и дважды в 1922-м годах, а так же 8.2.1924 года получал дорожные паспорта как местный житель: в те годы его родина, Семидубы на Волини, были польскими (тогда дорожные паспорта выдавались на одну поездку). Так, 14.05.1920 выдан паспорт для поездки из Чехословакии через Польшу в Киев и обратно для решения семейных и имущественных дел. В мае 1921 года ему выдали паспорт для поездки в Турцию с целью сопровождения материальной помощи Красного Креста беженцам из России.

В 1927 году он переехал во Францию в город Ниццу, откуда совершал выезды, оставаясь гражданином Чехословакии.

В. Вондрак выступал с острыми политическими заявлениями в печати. Их здесь мы не рассматриваем. Они могут быть предметом отдельного исследования.

В январе 1929 года В. Вондрак был на похоронах Великого князя Николая Николаевича в Каннах. В марте получил письмо от его вдовы Анастасии Черногорской, дочери короля Черногории Николы I: «Искренне благодарю чехов, живших в России, за их сочувствие в моем тяжелом горе — кончине моего супруга, всегда желавшего счастья и процветания чешскому народу. Антиб, Франция»²⁰.

В 1930 году, когда В. Вондраку исполнилось 50 лет, в Праге вышел специальный выпуск «Вестника Центральной ассоциации чехов и словаков из России». В нем были помещены 18 статей о его деятельности²¹. Среди них были поздравления генерала Н. А. Ходоровича, З. Реймана, профессора Д. Н. Вергуна, генерала М. Чили и др.

¹⁹ Zuman, František, Díl. 1, 1922. S. 22.

²⁰ Věstník Sdružení Čechů a Slováků z Ruska. Roč. IX. Č. 6. 27.03.1929. S. 5.

²¹ Příloha «Věstníku Ústředního Sdružení Čechů a Slováků z Ruska», č. 5. roč. X. 1930. S. 1—12.

Есть неподтвержденные сведения, что В. Вондрак работал в консульстве в Ницце. Так, Йиржи Клих (1906 г.р.), младший брат легионеров Клихов, описанных нами в 6-й части «Чешская Дружина и ее первые добровольцы», в воспоминаниях сообщал, что в 1934 году в Ницце его задержала полиция за то, что он ночевал на пляже. Отпустили его после того, как он сказал, что его знает доктор В. Вондрак из чехословацкого консульства в Ницце²².

В 1940 году, когда во Францию вторглись германские войска, В. Вондрак с супругой Софией Дмитриевной искали укрытие от оккупантов. Они списались с бывшей знакомой киевлянкой Верой Запаловой-Радченко. Семья Радченко арендовала хозяйство и дом на юге Франции в сельской местности в департаменте Тарн и Гаронна возле города Монтобан. Супруги Вондраки предполагали укрыться от оккупантов, поселившись у Радченко, но, узнав, что дом не является их собственностью, сочли укрытие ненадежным и отказались от этого намерения. Они покинули Ниццу в 1940 году. Вероятно, тогда уехали в Сантьяго-де-Чили. Дочь Андрея и Веры Радченко Евгения Костканова вспоминает сейчас, в 2014 году, как мама готовила ее и старшую сестру к приезду гостей: учила чешскому языку и тренировала делать книксен. Вондраки прислали девочкам из Ниццы шоколадные конфеты, но их визит не состоялся²³. Потом в семье были разговоры о Вондраках и воспоминания о шоколаде.

О деятельности В. Вондрака в Чили сведений не имеем. Известно, что он похоронил супругу в 1957 году, а сам умер 4 июля 1962 года. Биография В. Вондрака подробно описана проф. Я. Вацуликом²⁴ и инж. А. Дрбалом²⁵.

ЗДЕНЕК РЕЙМАН (1880—1947)

Генерал О. Гусак назвал его «Зденек Иваныч Рейман, третий из триумвирата руководителей чехов и словаков в России». Третий, Революционный, съезд Союза ЧС обществ в мае 1917 года отстранил его от всех функций в освободительном движении. В знак

²² Rodinna kronika Klichů a Polaků. 1978. S. 85.

²³ Евгения Костканова. Личное сообщение. 2014.

²⁴ Вацулик, Ярослав. Председатель союза чехословацких обществ в России Вацлав Вондрак. Славянский сборник. Вып. 10. Изд. «Наука». 2012. С. 47—57.

²⁵ Drbal Alexandr. Vaclav Vondrak, zapomenutý a odvřeny vlastenec. Vzkyazy domů. Messages home. Labirint. S. 54.

протеста он ушел из армии. На родину вернулся в январе 1919 года с женой Надеждой Робертовной. Она была певица, дочь адмирала Р. Н. Вирена, военного губернатора Кронштадта, участника Русско-японской войны, убитого матросами на митинге в Кронштадте на второй день Февральской революции в числе тридцати шести офицеров, не принявших ее.

К политической жизни на родине З. Рейман не вернулся, а занялся своим давним ювелирным делом в Праге, где имел магазин на улице Národní. Он владел шестью языками, имел склонность к сочинительству, писал стихи. Его сравнивали с греческим поэтом Тиртеем, который стихами воодушевлял спартанцев во время боя²⁶.

Со слов его сына Мартина Реймана, в 1926 году отец вместе с младшим братом организовали предприятие «Автоавиа», производившее детали для автомобилей и самолетов — карбюраторы и др.²⁷

В 1930 году ему исполнилось 50 лет. Бывший министр обороны, инж. О. Гусак, в связи с юбилеем опубликовал статью «Зденек Иваныч Рейман», в которой писал: «Зденек Иваныч Рейман джентльменом был и им остается. Он это показал, когда был вознагражден благодарностью за большие заслуги перед родиной.

Каждый стародружинник знал давным-давно Зденека Иваныча, скромного третьего в „Триумвирате Тучек, Вондрак, Рейман“, задолго до появления позже прославляемых имен. Члены „Триумвирата“ были опорой и громоотводом Дружины, первыми организаторами и дипломатами, умевшими помочь, утешить, вселить уверенность. Нам легче дышалось после каждой „братоубийственной“ сцены с ними и всегда все кончалось братским разговором и теплым пожатием руки.

Зденек был мастером исполнения своих компромиссных проектов. Тайной его успехов была скромность. События с августа 1914-го до II съезда в апреле 1916 года мелькают, как кадры в кино о его службе родине.

Положение обязывало его даже тогда, когда он был прижат и политически уничтожен волной зависти к первенству „триумвирата Тучек, Вондрак, Рейман“... После отхода этой пены ненависти историк не может найти ничего, что бы запятнало чистоту и самоотверженность первых трех политических представителей.

²⁶ Kovářik, Fedor. Zážitky a dojmy ruského čecha za carství. Praha. 1932. S. 288.

²⁷ Рейман, Мартин. Личное сообщение в интервью. 5. 06. 2014.

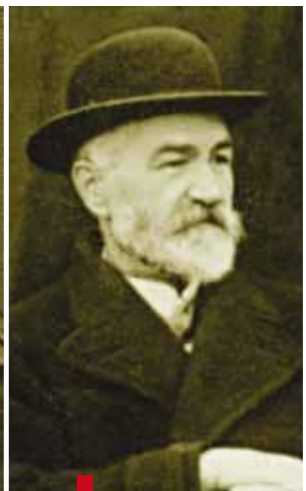
Алоис Тучек (1881—1925)

Вацлав Вондрак (1880—1962)

Зденек Рейман (1880—1947)

Й. Йиндржишек (1857—1924)

Ян Вольф (1883—1919)

Зденек и в ином положении оказался идеальным джентльменом. „ Джентльменский футляр“ скрывал много того, чего не видели и о чем не говорили — внутренней сущности... Я хочу тебе пожелать, чтобы другие тебя знали, как я. Даже скромная деятельность дает удвоительное. Желаю тебе больше „тихой красоты“. В Риме ты был бы скорее Петронием, чем Цезарем. Сегодня ты предпочитаешь быть простым бизнесменом на Виноградах, а не высокопоставленным чиновником.

Правда, Зденек Иваныч — джентльмен! Отакар Гусак».²⁸

Позже, в 1930—1940-х годах, братья наладили производство газогенераторов для автомобилей. Производственные предприятия Рейманов продолжали работать в период Второй мировой войны и после нее, затем были национализированы.

Первая семья Зденека оказалась бездетной, поэтому супруги развелись. Зденек построил Надежде виллу недалеко от виллы генерала Я. Сырови в Добриховице и давал ей средства на жизнь. Во второй брак с чешкой Ольгой он вступил в 1939 году и имел двух сыновей. Умер Зденек Рейман в 1947 году. Это спасло его от коммунистических репрессий. Похоронен он на Виноградском кладбище в Праге.

В 1952 году вдова Ольга Рейманова была арестована, содержалась 27 месяцев как политическая заключенная. После освобождения работала кухаркой в государственном сельскохозяйственном предприятии. С 1964-го по 1991 год была в эмиграции в Англии. Умерла в 2002 году в возрасте 91 года.

²⁸ Husák, Otakar. Zdenek Ivanič Rejman. Čs. legionsař. Roč. XII. Č.32. 1930. S. 3.

ЙИНДРЖИХ ЙИНДРЖИШЕК (1857—1924)

Йиндржишек — один из первых чешских поселенцев в Киеве, где прожил 38 лет и был старейшиной чешских поселенцев.

Он был участником Третьего Съезда союза ЧС обществ в возрасте 60 лет и не был востребован Филиалом ЧС национального совета к общественной деятельности.

После октябрьского переворота пытался сохранить «Чешскую возовку» и магазин музыкальных инструментов. До 1919 года находился в Киеве. Весной, изменив внешность, сумел переехать границу. На родине его приезд не был замечен ни властями, ни депутатами, ни теми людьми, в судьбах которых его позитивная роль была велика. Его биография описана нами в трех номерах журнала «Русское слово»²⁹.

ЯН ВОЛЬФ (1883—1919)

Секретарь союза ЧС обществ, ближайший сотрудник Й. Йиндржишека и В. Вондрака. После Третьего съезда лишен всех функций в Союзе ЧС обществ. Работал бухгалтером в типографии Корчак-Новицкого в Киеве. В конце 1918 года он получил от Министерства иностранных дел ЧС республики временные консульские полномочия с рабочей программой. Киевские чекисты его за это арестовали и обвинили в шпионаже, так как дипломатических отношений между странами не было. Доброжелатели предлагали ему организовать побег. Он отказался, считая себя не виновным. Работал с другими арестованными: копали могилы для расстрелянных большевиками на Лукьяновском кладбище. Дело рассматривали в Москве в правительстве

Д. З. Мануильский, Х. Раковский, М. Лацис и Г. Зиновьев. Они не завершили рассмотрение его. При бегстве большевиков из Киева Я. Вольф был расстрелян в тюрьме. Сотрудники типографии нашли его тело и похоронили с почестями на Байковом кладбище. Вдова с детьми уехала на родину³⁰.

Генерал Отакар Гусак почти девяносто лет назад сказал об описанных выше исторических личностях: «Это были хорошие люди. То, что народ не знает их заслуг, является типичной несправедливостью. Ничего не требовавшие труженики были отстранены, преданы и до сего дня опорочены. Это другая глава, ожидающая своего историка, полностью неофициального»³¹.

В этом очерке мы попытались напомнить о тех героях, кто начинал первый этап чехословацкого заграничного сопротивления, находясь не на родной земле, а на территории дружественного народа, и смог добиться у его власти разрешения и участия ее в создании армии для еще несуществующего государства. Имена их, к сожалению, редко упоминаются и остаются не известными многим нашим современникам.

Авторы благодарят господина Мартина Реймана за предоставленные сведения из семейного архива и инженера Евгению Костканову за новые сведения о супругах Вондрак.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

АЛЕКСАНДР И ДИНА МУРАТОВЫ ■

²⁹ Александр Муратов, Дина Муратова. Йиндржих Йиндржишек или Генрих Игнатьевич. Русское слово. № 7—8. 2009, С. 30—35. № 9. 2009. С. 24—27.

³⁰ Там же. С. 41.

³¹ Gen. Husák o ruských Čechích. Věstník Ústředního sdružení Čechů a Slováků. Roč. XII, 1931—1932, č. 12. S. 137.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА МАШИНСКАЯ:

Из дневника 1917–1920 годов

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА: ЕЛЕНА НЕДЗВЕДСКА

Семья омского купца Машинского до октябрьского переворота в России была одной из самых богатых в Западной Сибири и Степном крае. История Машинских в вынужденной эмиграции описана в нашем журнале («Русское слово» № 2/2013) по рассказам потомка семьи — Елены Евгеньевны Недзведской (Тумановой), живущей в Чехии. В ее частном архиве также сохранились дневники членов семьи Машинских. Дневники ее мамы Татьяны Николаевны Машинской (в замужестве — Тумановой) содержат описания дореволюционного Омска — природы, образа жизни семьи и общение с друзьями, Омск Временного Сибирского правительства и дорогу в поезде с частями Чехословацкого корпуса по Транссибирской магистрали во Владивосток. Уже в Праге в 1956–1958 годах она переписала их, сократив, в аккуратные тетради. В электронную форму рукопись перевела ее дочь Елена Евгеньевна в 2014 году. С этого номера мы начинаем публиковать отдельные главы из дневника Татьяны Машинской времен Гражданской войны.

Члены семьи: отец Николай Николаевич Машинский, мать Елена Константиновна Машинская (урожденная Кузнецова), тетя Ольга Константиновна Кузнецова — преподавательница, проживающая в семье своей сестры. Дети по старшинству: Сергей, Константин, Владимир, Екатерина (умерла в возрасте полутора лет), Борис, Ольга, Татьяна, Николай и Георгий.

Омск в 1910–1920 годах.
Вид на город с реки Омь.

ЧТО ТАКОЕ ДИСЦИПЛИНА

Сережа (старший брат) вернулся с Рижского фронта, собирается на дружку, на этот раз на Персидский. Он решил соблюдать традицию рода и исполнить желание дедушки — перейти в казачий полк. Сегодня он появился уже в новой форме с красными лампасами и казачьей шашкой с темляком, которую он, садясь за стол, отцепляет и ставит в угол столовой. Сережа — всеобщий любимец и баловень, мы все с удовольствием его слушаем, но меньше всего его, пожалуй, слушается его красивый денщик Афанасий. Сережа приказал ему к трем часам оседлать и подать к подъезду лошадей, но вот уже четыре часа, а Афанасий все не появляется. Сережа, возмущенный, быстро спускается с лестницы и зычным голосом вызывает: «Афанасий!» Оказывается, что ден-

щик увлекся игрой в карты и обо всем на свете забыл, в том числе и о приказе командира. «Афанасий пойдешь под арест на двое суток, отправиться немедленно!» «Что ты, так сразу — и под арест, жаль все-таки человека...» «Мама, как хочешь — протестует Сережа — Но иначе я поступить не мог. Ведь это же подрыв дисциплины, он прекрасно знает, за что наказан, пойми, что он сам довел меня до этого, ну и получил по заслугам!»... «Подожди Сережа, успокойся, сам знаешь ведь, что Афанасий — казак хороший и в бою тебе преданность свою доказал, ну уже прости его на этот раз, увидишь, как он сам это оценит». И, не ожидая согласия Сережи, мама вызывает Афанасия и прощает его от имени его командира. Узнав же о мамином вмешательстве, Се-

режа говорит ей с мягким упреком: «Ты, мама, все-таки пойми: в стране революция, и наш прямой долг перед Родиной всеми силами сохранить порядок и дисциплину в армии, на нас лежит неимоверно тяжелая задача удержать фронт, и кроме того, ведь и у нас не одни только внешние, но и внутренние враги, которые ведут страну к гибели и уничтожению. Иванам и Афанасиям дай только волю, и тогда они себя покажут!... Своим приказом №1 Керенский преступно подрывает дисциплину в армии». «Я сама прекрасно вижу, куда мы идем и что творится в нашей несчастной стране...» «Ну ничего, ты все-таки не унывай, я верю в наше казачество, это оплот России». Сережа нежно обнимает маму, в передней надевает свою франтоватую серую шинель.

ЛЕТО В БОРОВОМ

Снова мы едем на дачу в Боровое. Мы едем 300 верст в автомобиле. Мы с сестрой в полотняных панамах, с воздушными желтыми шарфами, которые нас в случае надобности прикроют от пыли. В богатом селе Борисовке, с электричеством и зажиточным казачеством и немецкими колонистами, мы останавливаемся переночевать. В просторной комнате гостицы ужинает и семья каких-то англичан, которые, по-видимому, едут на консервный завод Бергера. У одной из девочек, как и у меня, на голове бант-бабочка, коротенькая шотландская юбочка в складку и очень красивые часики на руке. Она грациозно наклоняется к чемодану, лежащему на полу, и что-то из него вынимает. По дороге в Боровое нам попадается этот самый завод Бергера. Унылое это место, но, должно быть, очень доходное для предприимчивых англичан. Кругом только степь, в кучу сложены груды костей, которые после переработки пойдут на клей. Местные киргизы пригоняют сюда стада баранов и коров, мясо которых идет на консервы. Консервы эти посылаются в окрестные города и за границу. Прибыль попадает в карманы англичан. Пожив несколько лет в этой Богом забытой глуши, они ее покидают и возвращаются на Родину весьма богатыми людьми. Наши сибирских богатств хватит не только на местных жителей, но и на иностранцев, ведь мы, русские, так гостеприимны, живите у нас, богатейте, если у вас есть инициатива, энергия и коммерческая жилка.

Мелькнули маленькие домики англичан; в садиках и на крыльце дома англичанки в допотопных чепцах с лентами, как воскресшие фигуры из романа Диккенса. Мы снова едем степью, жаркой и раскаленной солнцем.

СКАЛА СФИНКС

Солнечный день, воскресенье. Утром можно обновить новые ракетки со звоном марки «Максим Сумароков Эльстон». Папа и Сергей Христофорович Рандруп в белых фланелевых брюках уже на теннисе, заняты игрой. После обеда у нас иной план — поездка на лодках на остров Сфинкс. Скалы Сфинкса расprostерлись у правого края Большого озера, лодки должны пристать к скалам, вокруг которых растет камыш. Дети Рандруп выпрыгнули первыми, за ними спешит англичанка мисс Скот, которая лезет все выше и выше, стараясь попасть на самую голову Сфинкса. Скоро мы все уже на вершине, откуда можно

замахать панамой, радостно приветствуя оставшуюся компанию, сидящую в лодках... Но что происходит с мисс Скот? Всею виной ее высокие каблуки, она поскользнулась на влажном мху и в одно мгновение исчезла из виду. Мы видели только ее пальцы, которые судорожно цеплялись за скалу, но и они моментально исчезли. «Мисс Скот упала!» — кричат маленькие дети. Мы видим сверху, как лодка отъезжает от берега, как Кай Петрович выскакивает из нее и отважно бросается спасать мисс Скот. Мы в неизвестности: неужели она разбилась о скалу или уже утонула? Оказывается, мисс Скот, сорвавшись со скалы, попала в тину в неглубоком месте. Испуганную и потрясенную случившимся, ее положили в лодку и быстро повезли к берегу.

ВОСХОЖДЕНИЕ НА СИНЮХУ

Собираемся большой компанией взобраться на самую высокую гору Синюху. Утром к нашим дачам подъезжают несколько «трашпанок». С нами едут Рандруп и Юзефовичи. М-м. Юзефович — привлекательная дама с сыном-гимназистом Вовой, который мне нравится с первого взгляда. Почему? Разве можно это так просто объяснить? По какому принципу магнетизма люди разного пола сначала замечают друг друга, потом даже не смотрят друг на друга, а все равно чувствуют это присутствие друг друга. Я всегда безошибочно могу определить, где находится Вова в своей полотняной белой рубашке, куда он пошел в настоящую минуту, что он делает, чувствует ли мое присутствие, смотрит ли на меня, и, пожалуй, только этим и занята. У нас разговор без слов, как песня без слов, понимание друг друга, которое и пугает немного, и радует.

Мамма Елена Константиновна Машинская

Я знаю, что от нашей тайны хорошею, становлюсь интереснее, веселее, поездка на Синюху приобретает особую прелесть, крепче, ароматнее пахнет лес, звонче смех, значительнее паузы, многозначительна тишина. Кай Петрович едет верхом на киргизской лошади, его длинные ноги почти касаются земли. На него смешно смотреть — ну и наездник, нечего сказать!

Нас везет киргиз Ахмет. «Ахмет, друг, спой нам что-нибудь», — пристаем мы к нашему вознице. Долго просить Ахмета не надо, и вот он затягивает монотонную киргизскую песню. Он поет о том, что видит: вот на поле несется кобыла с жеребенком, у юрты стоит киргизка в бархатной безрукавке и белой блузе, золотыми позументами застегнутой до самой шеи, и в тюбетейке на голове. Ахмет поет и об этом, и о том, что она держит деревянную тарелку с лесной земляникой. Потом он, немилосердно коверкая русский язык, пытается спеть «Волга, Волга, мать родная...», но у него это никак не получается, и он поворачивается к нам и смеется, обнажая белые зубы и подмигивая и лукаво, и весело.

Начинается подъем, лошади идут шагом, они устали, мы оставляем их у подножья горы. Те, кто не собирается взбираться на вершину горы, собирают валежник и затем разводят костер. Запахло особым лесным дымком. Мы взбираемся наверх, затем дорога пропадает, мы идем по еле уловимой тропе среди скал и низкорослой травы. На небе парит коршун, он вдалеке кружится, опускаясь все ниже к своей жертве, которую острым взглядом приметил в траве. Описывая круг, он вдруг как камень падает в траву, еще миг — и он с какой-то маленькой зверюшкой в клюве возносится выше и пропадает в безоблачном небе. Вот мы уже на вершине, внизу под нами бездна. Перед нами как на ладони весь Кокчетавский уезд: кругом леса и синие стекла озер, а дальше степи и степи сливаются с горизонтом. Так вот она, Синюха — царица наших гор. Свежий ветер бьет в лицо — усталости не чувствую. «О-го-го!» — громко кричит Кай Петрович, и его голос волной катится в эфире и гулким эхом отзывается где-то вдали. М-м. Юзефович так и не добралась до вершины, всею виной оказались ее высокие французские каблуки. Нельзя же надевать такие бальные туфли на пикник, да еще при восхождении на такую гору, как Синюха. Сергей Христофорович Рандруп неотступно около нее, он ухаживает за ней, предлагает ей даже нести ее на руках — в конце концов, он усаживает ее на маленькую лошадку Кая Петровича, и таким образом, держа лошадку под уздцы,

а м-м. Юзович придерживая за талию, эта пара спускается вниз. Смешные взрослые! Они воображают, что мы, дети и подростки, ничего не замечаем, что происходит кругом: что эта нарядная дама флиртует с Сергеем Христофоровичем, порой неестественно хохочет, порой напускает на себя томность, изображая беспомощную девочку. А там, внизу, м-м. Рандруп, которая давно заметила, что ее муж всецело увлечен м-м. Юзефович, в свою очередь, хочет скрыть свое испорченное настроение и ревность, подчеркнуто любезна, но внутри, безусловно, страдает. Нам весело, а для кого-то эта поездка на Синюху останется неприятной страничкой в жизни.

АЛЛЕЯ ДРУЖБЫ

Молодежь разместились на скалах и группами. Звонкий смех м-м. Боннет в компании студентов в летних тужурках. Только что пели «Вечерний звон» и замолчали, любуясь луной, которая неожиданно показалась в белых летучих облаках, и Володя Юзефович у моих ног. Какую музыку признают Ольга Владимировна и Боря? Но, по-моему, здесь в природе достаточно музыки. Только к ней надо хорошо прислушаться. Вот в березовой роще закуковала кукушка. А на верхушке дерева закаркала ворона. На дворике громко пропел петух. А потом приехал киргиз. Простучали ритмично подковы копыт, и заржала лошадь — вот всю бы эту симфонию звуков изобразить бы в музыке!.. Какую музыку признают Ольга Владимировна и Боря? Салонную музыку Моцарта и Баха, музыка которого исключительно хороша для лютеранского костела. Глухо закрыли оба двери от внешней жизни, погрузились в литературу, в классику, и классическую музыку. Несмотря на то, что на улице слышна стрельба — в стране революция. Пожалуй, только в природе и есть покой, и мир, и вечная правда... Володя Юзефович нарвал мне целый букет из полевых цветов. В нем лесные гвоздики, и колокольчики, и полевые ромашки. Красное солнце пурпурным шаром зашло за горизонт. Закатилось. Погасло в последний раз, лучами озарив поверхность Тихого залива... У кого из наших явилась мысль послать нас с Колей и тетей Олей в громоздком ландо, которое само по себе невероятно тяжелое?... Папа давно нас покинул и пересел в легкую трашпанку. Клубы пыли обволакивают нашу карету. Обидно привлекать внимание немецких колонистов и киргизов, которые выходят из своих юрт, с интересом на нас смотрят и смеются

Брат Володя Машинский

нам вслед. Скорей бы приехать на станцию, где можно подвигаться и размять ноги, побегать с Колей в догонялки. Мы останавливаемся у юрты, чтобы выпить кумыс. Нас ведут киргизки внутрь, расплачиваясь кошму, которая им служит дверью, вверх открывается. Видно голубое небо, и в юрте светло и прохладно. Мы садимся на циновки. Киргизы и киргизки садятся вокруг, поджав ноги, и угощают нас своим холодным кумысом, наливая его в фарфоровые чаши. Кое-кто, не исключая и женщин, курит длинную трубку, отрываясь часто от куренья и приветливо нам улыбаясь... От денег за кумыс они отказались. Целым племенем вышли нас провожать со всеми своими ребятами в длинных рубашках и расшитых тюбетейках. Долго кивали нам на прощание и улыбались своей ласковой и полудетской улыбкой.

Наконец мы дома. Скорей взбежать на крыльцо. Наскоро поздороваться со всеми домашними и через зал, столовую и террасу мчаться в сад, где чудесно пахнут розы, а вечером распускаются и пряно пахнут белые звезды табака. Вечер догорает. Мы ужинаем обыкновенно на стеклянной террасе. А когда последние лучи гаснут и озаряют небо то синим, то фиолетовым закатом, мы обыкновенно размещаемся на широких ступенях террасы и наблюдаем, как зажигаются костры рыболовов на противоположном берегу, красным мигающим светом отражаясь в тихих водах Иртыша. Но вот зеркальную гладь прорезает чья-то проплывавшая лодка. Слышны всплески весел. Тихий звон уключин, чьи-то голоса. И снова ночная тишина. Светит луна, серебристым светом освещая деревья в саду, дорожки, посыпанные песком, белую беседку... Что это за птица кричит в степи за рекой? Говорят, что это

выпь, она будто бы уткнется своим острым клювом в болотную кочку и своим почти человеческим голосом кричит «у-у» уныло и протяжно.

Становится холодно. Луна выходит из облаков. Светло, как днем... «Ну, дети, не засиживайтесь долго. Не простудитесь», — говорит, поднимаясь со ступеньки лестницы, мама, уходя в свою комнату.

Четыре Скороходовы, сестра Ляля подрастает... Неужели ей исполнилось шестнадцать лет! В доме у нас много взрослой молодежи. На теннисе Борис и Ганя Скороходовы. Борис — гардемарин Балтийского флота, призванный на службу, юрист по образованию. Он блондин с яркими голубыми глазами и свежим цветом лица. Его матросский наряд еще больше подчеркивает его молодой, спортивный вид. В его присутствии всем дышится легко, у него всегда наготове какая-нибудь шутка. Там, где Боба, всегда как будто светит солнце. Его сестра Ганя англоязычна. У нее, как и у Бориса, свежий цвет лица, изящные руки, вкрадчивые манеры, ослепительная улыбка. Старший брат Саша, по образованию математик, у него русая борода, тоже, как и у Бориса, голубые ясные глаза, на нем офицерская форма. Младшая, Нина, черноглаза, всегда в воздушных платьях, не спортивна. У нее сопрано, и вечерами она частенько улаживает нас своим пением. Репертуар у нее — «бержеретки» XVIII века. Из опер ее любимая — «Травиата». Чувствуется, что жизнь этой молодежи кипит, переливается потоком через край, полна разнообразных интересов, что все они живут и пользуются жизнью во всех ее культурных проявлениях и готовы охотно делиться своим богатством. Правда, не с каждым, но с тем, кто достоин понять и не внести диссонанса в их сплоченный и дружный мирок. Жизнь сестры изменилась. Войдя в этот мир «молодежи», она и сама изменилась, повеселела, забав, может быть, не навсегда, но хоть бы на время, свое горе и потерю любимого человека. Пятичасовой чай сменяется теннисом. Сегодня они с Борисом вдвоем поехали на теннис в загородную рощу. Вчера был прием у Хвориновых. Играли в фанты. Много танцевали. Борис от нее не отходит. Осенний вечер. Какая унылая разыгралась погода! Какой холодный осенний ветер! На Иртыше разбушевались волны. Как высоко они подбрасывают чью-то одинокую лодку, она то ныряет, то снова покажется, такая беспомощная среди водяного пространства. В саду с Колей Вова Юзефович. Но к нему не выйду, я его вижу в окно, но меня к нему не тянет.

Что это, собственно, такое? Температура ли воздуха другая, или кровь наша с наступлением ненастья охлаждается тоже, я не знаю, но нет у меня того подъема, какой был когда-то в Боровом. Люди как мошки в солнечный день: рой мошек танцует, взлетает наверх, затем резко падает вниз, соблюдая ритм и такт. Две мошки танцуют вместе, то вправо, то влево в дружном *pas de deux* и вдруг отталкиваются друг от друга, и каждая сама по себе в том же ритме продолжает свой танец под солнцем. Так и я вот отшатнулась от своей случайной пары и хочу идти своим путем сама по себе до новой случайной встречи.

Борис играет Чайковского. А тополя за окном под грустный мотив качаются — золотистые листья носятся в ветре и падают на землю. По рассказам Люли, старшей дочери Ольги Владимировны, которая только что приехала из Петербурга, в нашей столице спокойно. Жизнь становится все тяжелее, растет дороговизна, Временное правительство пытается создать какой-то порядок и внести подорванную дисциплину в армию. Но из этого как-то ничего не получается, солдаты без погон, в расстегнутых шинелях празднично бродят по улицам, и все, и том числе и интеллигенция, напряженно чего-то ждут. О Керенском говорят, что он переехал в Зимний дворец, спит на кровати Александра III. На фотографиях позирует, как Наполеон, и, не имея данных, произвел себя в военные министры...

Я знакомя Люлю с нашей молодежью. Со Скороходовыми и с «Констичем» Бодиско. Ему всего 16 лет, но держит он себя как совершенно сложившийся человек. Он лицеист, беженец из Петрограда, человек светский, великолепно владеет языками и музыкой, с папиросой в зубах. Он играет Грига «Пер Гюнт», внося в свою игру много чувства, но не заканчивает пьесы и легко переходит на «Аргентинское танго»... Музыка прерывается. Ганя Скороходова говорит, что будет выступать в кружке любителей литературы и прочтет доклад о «Брандте» Ибсена. Затем Борис вносит предложение сыграть во «флирт цветов». Ляля с Борисом оживленно обмениваются карточками, ведут между собой переписку, передают друг другу карточки с каким-то особым и им одним понятным значением...

Выпал первый снег — удивительно, что еще после обеда мы играли в теннис, а теперь и земля, и крыши домов покрылись белым покровом, и воздух сильно охладился. В полотняных туфлях, в матро-

Тимназистка Тамбарана и Ольга Машинские

ской фуражке Борис прощается с нами и выходит на крыльцо, наверное, туфли его промокнул, сам он промерзнет, добравшись до дома, но он не унывает, оборачивается, бодро машет ракеткой и прыгает через лужи, затянувшиеся льдом, исчезает за углом нашей улицы.

ПЬЕРО — АРЛЕКИН, И К ЧЕМУ ЖИТЬ. КОЛОМБИНА

Борис временно возвращается в Петроград в «революционный балтийский флот». Он неохотно расстается с Лялей — но последняя, по моему, флиртует с Петей Лушниковым. Борис ревнует, по моему наблюдению. Петя живет у нас в Володиной комнате. Арлекин — Коломбина. Неужели грустную роль придется играть Борису? Петя — высокий брюнет, бледный, он родом откуда-то из Кяхты. В его типе есть что-то монгольское. Ольга Владимировна говорит: «Петя — милое, но погибшее создание», — намекая этим на его склонность к алкоголю. Несмотря на его порой буйную жизнерадостность, он часто задумывается, погружается в свои какие-то невеселые мысли. Глаза его тогда как-то таинственно блестят и по-китайски суживаются. Потом он очнется, развеселится и поддразнивает Ольгу Владимировну: советует ей оторваться

от классиков и познакомиться, например, с «Саниным» Арцыбашева или вслух почитать Пшебышевского, великолепно зная, что от такой, с ее точки зрения, упадочной и революционной литературы она приходит в смятение и ужас.

Петя прекрасно рассказывает китайские сказки с акцентом гортанными звуками и чмоканьем языка. «Петуха, расскажите нам сказку», — просим мы его, оставшись с сестрой в полутьме гостиной. Большинство из нас, по выражению Бориса, «отшвартовались» на концерт скрипача Графмана. Петя сидит на вертящемся стуле у пианино и начинает нам рассказывать свою немудреную сказку: «Питуха сапога /к Богу/ ходила. Питуха хлиба просила. Ты, говорит нога /Бог/, слой Питуха. Кулицу обижает. Не дам я тебе хлиба. Иди и голодай. Заплакал Питуха у-у, не у кого Питухе просить хлиба, сдохнет Питуха, сдохнет Кулица...». Подобных грустных китайских сказок Петя знает без конца. Способный математик, прекрасный офицер, Петя, если не возьмет себя в руки, станет алкоголиком, как многие из нашей среды офицерства, предавшиеся этому пороку. К чему жить в этой неразберихе? Когда все рушится, когда ни во что уже не веришь?! Может быть, Ляле удастся на него повлиять. Он ее как будто слушается. А ведь женщина при желании может делать очень многое... Электрические свечи у пианино бросают тень на гостиную и на Петины блестящие волосы, гладко зачесанные на пробор, на его серебряные погоны на темно-коричневом френче, на блестящий паркет, усталый ковром. Я наблюдаю Лялю и Петю. Они по долгу смотрят друг другу в глаза. А тишина и уют гостиной говорят о том, что им хорошо вместе. Шепчет о том, что может быть еще лучше, о каком-то особом счастье, которое где-то тут или, может быть, за окном притаилось, что оно совсем близко, только стоит к нему протянуть руку, тихо его помянуть, чтобы не спугнуть...

НАША ДРУЖБА С ЛЮЛЕЙ

В доме у нас оживленно и весело. Даже на приготовление уроков после обеда почти не хватает времени. В четыре часа начинаются звонки. Приходит кто-нибудь из Скороходовых или Сережин товарищ Гога Заале в своей длинной кавалерийской шинели. Сверху спускаются Володя и Петя. Мы с Люлей, закончив французское чтение, тоже торопимся вниз. В столовую, где пьем чай из светлых сиреневых фарфоровых чашечек, Липа подает блюдо печенья. Тетя Оля разливает чай, отражаясь в ярко

начищенном серебряном самоваре. Затем оживает каток. А вечером в гостиной звучит пианино или возникают споры о литературе. Сравнительно мало разговоров о политике и беспокойном сегодняшнем дне. Вечером Люля стелет себе на диване в моей комнате постель, и мы разговариваем в полголоса, чтобы рядом, за тонкой стеной, нас не услышали... «Я лично поэзией и литературой не увлекаюсь. Скорее всего, я признаю все реальное». «Нет, Люлю, вы не правы, в стихах вы иной раз можете сказать больше, чем в обширном томе какого-нибудь произведения. Возьмите, например, поэта Алексея Толстого. В них даже пророчество. Такой поэт видит глубже и дальше, чем мы, простые смертные. Я согласна, что Игорь Северянин — поэт модный, но проходящий, и стихи его музыкальны и только. Но вот возьмите Блока и Бальмонта, Есенина — это совсем что-то иное. В другом роде, но очень хорошо Константин Романов, познакомьтесь с ним, прочитайте». «Нет, Таня, ведь я практик по натуре. Сегодня жизнь, прежде всего, требует изучить какое-нибудь ремесло, чтобы можно было жить, и нельзя терять времени на такие вещи, как изучение поэзии и литературы. Иначе жизнь вас не пощадит и сотрет в порошок». «Удивительно, Люлю. Ну до чего же мы с вами различны. Вроде Онегин и Ленский. Лед и пламень. А вместе с этим, как с первой встречи мы понимаем друг друга! Я очень счастлива, что на своем пути встретила вас! — Пауза. — Ну, как вам тепло и удобно на этом диване?» «Спокойной ночи, Танюша!». Сквозь тюлевые шторы льется тихий лунный свет...

* * *

Папа уже второй год работает в качестве директора кожевенного акционерного общества на собственном, теперь же национализированном заводе. В подвале нашего дома он устроил мастерскую, где как-то так само по себе вышло, что работают главным образом офицеры, оказавшиеся не у дел. Жалование им, как в прежнее время от царского правительства, не поступает, жить им стало не на что. Папа раздобыл машины, станки, мастер обучает неопытных сапожному ремеслу. Сначала эти вновь испеченные сапожники как-то обули себя и друг друга. А затем доставляют обувь в магазины и таким образом подрабатывают себе на хлеб и, по крайней мере, на какой-то срок отдалают острую нужду. В этой же мастерской работает и Люля: шьет не только сапоги, но умудрилась сшить

себе и пару приличных туфель. К обеду она покидает мастерскую, приходит наверх и в ванной комнате долго и тщательно моет руки, затем вынимает из кармана юбки напильник. Опилывает ногти и потом в полном порядке садится за стол.

ЗНАКОМСТВО С ЖИЗНЬЮ

После обеда мы с Люлей сидим в моей комнате, и она говорит мне, что я живу «как в вате», о жизни будто бы не имею ни малейшего представления. «Ну а как же литература Горького „На дне“ или Толстого „Власть тьмы“?» «Нет, Танюша, всего этого мало, в нашей стране происходит ломка, старый мир рушится, рождается что-то новое, более справедливое и гуманное». «Скажите, Люля, вы революционерка, большевичка, кто вы? Какие убеждения и веру вы исповедуете?» «Я социалистка, и этим все сказано. Познакомившись с вами и узнав и полюбив вас, я решила, что нельзя вам оставаться только в стенах вашего особняка, что вам необходимо столкнуться с реальной жизнью и познакомиться с ней как с таковой. Без прикрас посмотреть ближе, как тяжело и порой невыносимо живут люди. Одевайте пальто и идемте смотреть, как в беженских бараках живут люди».

Конечно, такой реальности мне видеть не приходилось. Нары в беженских бараках в два ряда теснота. Темнота и вопиющая нужда. Кричат дети, тут же на веревке сушится белье, варится еда. Мы отдали бедноте все свои деньги, кого-то покормили принесенной едой, какую-то женщину напоили и поправили ей подушки. Выйдя из барака и вздохнув свежим воздухом, я говорила о том, война разрушила жизнь этих людей, лишила их жилья, разрушила их хозяйства. «Что же, по-вашему, при-

Тамбарана Машинская перед зеркалом

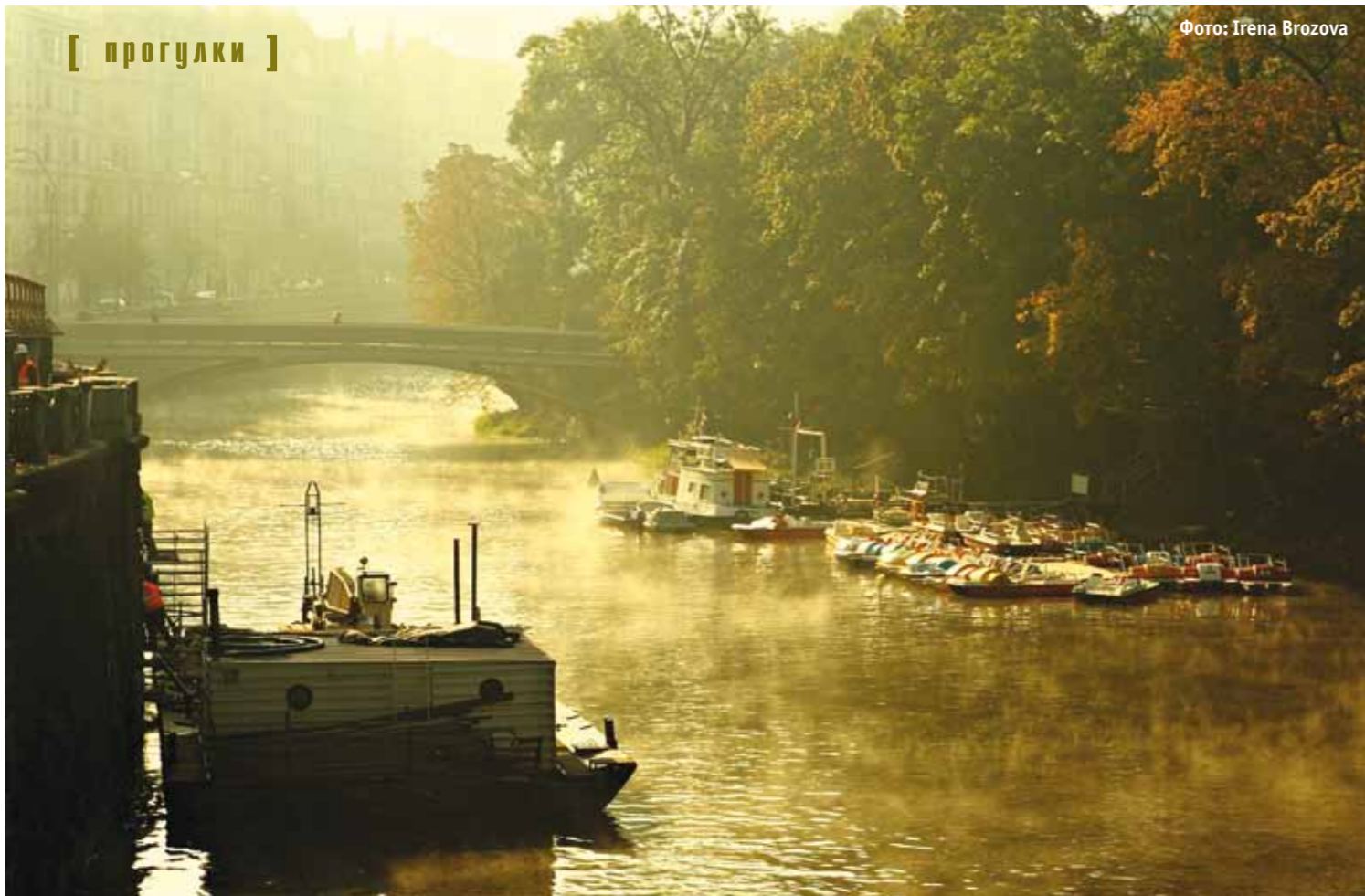
несла революция, кроме бедствия, холода и голода, поставив всю Россию на колеса, и эти люди едут и едут тысячи верст в пути, замерзая и погибая от тифа и голода? Чья же невидимая рука посылает русский народ на смерть и страдания и та же ли эта рука наших врагов и наших завистников, немцев?» «Ну а теперь, Танюша, идем в трактир».

Трактир стоит на кропотливо накопленные деньги. Открыл его наш бывший предприимчивый повар Потап Ульянович, они вместе с Липой, которая недавно вышла замуж за Потапа. Хоть и в революционное время, потихоньку богатеют, метят в новую буржуазию. Оба нас приветливо приняли, усадили за стол и угостили. Потап и Липа присели к нам за стол, и за кофе мы выпили по рюмочке ликера, от которого стало весело и приятно закружилась голова. Ступались мрачные картины барачной жизни. Что ждет нас завтра, стало совершенно безразлично, сегодня хорошо, ну и слава Богу, а что будет завтра, поживем — увидим. Когда мы вернулись домой в приподнятом настроении, мама внимательно на нас обеих посмотрела, но ничего не сказала.

Володя вернулся с фронта мрачный и угрюмый. «После позорного Брест-Литовского мира ничего хорошего ждать не приходится — у власти большевистская партия. России как таковой не существует, она развалилась, теперь ее растащат по кусочкам. Спасибо союзникам: продали — предали!» Володя сильно похудел, осунулся, с нами не шутит. Сразу после ужина уходит в свою комнату и там наедине с Петей Лушниковым с горя распивают бутылку водки. За стеной я порой слышу их голоса, как один другому рисует в мрачных красках безрадостную картину завтрашнего дня. И Боба вернулся из Петрограда, но, обладая бодрым характером, не унывает. Ему большевики не страшны. Чина офицерского у него нет. Он влюблен в Лялю, и все ему кажется почти в розовом свете.

В городе тревожно. Объявлено военное положение. Не наши небожители Боря и Ольга Владимировна забыли, в какое время существуют, и вечером решили прогуляться. Конечно, их арестовала уличная милиция и обоих привела во «дворец рабочих и солдатских депутатов». Хорошо, что они догадались сообщить по телефону об этом домой. Мама сейчас же отправилась во дворец к видному большевику Попову, который по просьбе мамы дал распоряжение немедленно освободить наших «шильонских узников». ■

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

АНАСТАСИЯ КОПРШИВОВА

ОСТРОВ ТРЕХ НАЗВАНИЙ — BARVÍŘSKÝ, SLOVANSKÝ, ŽOFÍN

Модный французский журнал XIX века.

В наши дни этот остров пражане и гости чешской столицы знают под названием **Жофин**. Сравнительно большой и один из самых красивых пражских островов вы найдете на Влтаве рядом с Национальным театром. С набережной остров соединяет небольшой бетонный мост.

Как и другие острова, этот остров нанесли волны Влтавы, и так же, как на берегах Влтавы и Чертовки (см. №6 нашего журнала), и на этом острове когда-то стояли мельницы. Несколько таких мельниц было построено на острове еще в XVII веке. В честь одного из самых известных мельников — Яна Шитки (Jan Šitka) — названа и ныне существующая **водонапорная башня** (Šitkovská vodárenská věž) на южном конце острова.

Мельницы постепенно исчезали, и к концу XVIII века на острове появились новые «предприниматели», которые ис-

пользовали песчаные берега и тогда еще чистые воды Влтавы для более доходного ремесла — на острове мочили, стирали и белили льняное полотно, которое на домашних ткацких станках изготавливали деревянные ткачи и ткачихи. Когда появилась мода на цветные ткани с набивными узорами, на острове начали эти материи красить (почешки — barvit), и остров получил название **Барвирский остров** (Barvířský ostrov). Для набивной ткани уже не надо было белить домашнее грубое полотно, появились первые мануфактуры, где ткали ситец. Одна такая небольшая мануфактура была построена прямо на острове. К тому времени здесь выросли деревья, и некогда солнечные берега начала прикрывать их тень. Изменился не только остров, но и жизнь города. Прага постепенно богатели и разрасталась. На бывших пологих набережных, застроенных низкими деревянными хатами, появились каменные двухэтаж-

Дворец Жофин. Около 1910 года. Открытка.

В 1886 году на Жофине открылись общественные купальни, отдельные для мужчин и женщин. Открытка. Около 1900 года.

ные дома, которые начали вытеснять мануфактуры подальше от центра.

Годом коренного изменения стал 1830-й. Тогда остров купил богатый пражский мельник, но он не собирался основывать здесь мельницу, а построил для себя и своей семьи **удобный особняк**. На берегу появились купальни и роскошный ресторан с просторным концертным и танцевальными залами. Торжественное открытие ресторана и залов были большим общественным событием. А первый бал стал началом совершенно новой жизни острова. Городские власти дали деньги на постройку нового деревянного моста, и остров превратился в место бурной общественной жизни.

В 1840 году на острове побывал эрцгерцог Франц Карл, отец будущего императора Франца Иосифа. Почетного гостя на острове встречала не только вся аристократическая Прага, но и представители интеллигенции и других сословий, которые обратились к гостю с просьбой позвонить назвать остров в честь его супруги Софии (Žofie). Эрцгерцог благосклонно дал разрешение, и с тех пор остров получил свое самое популярное название — **Жофинский остров**, или коротко Жофин.

Остров Жофин стал центром общественной жизни Праги и, надо подчеркнуть, прежде всего — чешской патриотической жизни. Концертный и танцевальные залы были тогда самыми большими и роскошными залами города. Балы привлекали внимание молодежи и были местом, где матери искали для своих дочерей подходящих женихов, а богатые дамы любили похвастаться своими туалетами и драгоценными украшениями. Кроме традиционных балов, были и балы тематические, когда общество одевалось, например, в средневековом стиле, в стиле

шекспировских пьес или в национальных костюмах разных славянских стран. Блистали на балах разные известные личности. Любителем танцев был, например, писатель и журналист **Ян Неруда**. Царицей одного из балов стала и писательница **Божена Немцова**, которая переселилась в Прагу из провинции. Ее появление на балу привело в восторг пражское общество. Красивая статуя Божены Немцовой стоит в парке перед зданием Жофина.

В концертном зале на острове Жофин выступали Б. Сметана и А. Дворжак. Сметана там впервые представил свое симфоническое произведение **«Моя родина»** (Má vlast), а Дворжак именно там дирижировал на своем первом самостоятельном концерте. В этом зале выступали и почетные гости, например, Ференц Лист, Гектор Берлиоз и П. И. Чайковский. Часто там выступал и хор общества Hlahol, это общество в начале XX века построило свой дом на набережной недалеко острова.

Залы Жофина помнят ряд политических собраний и съездов. Самым известным стал Славянский съезд в июне 1848 года, который пытался объединить славянские народы Австрийской монархии, что было весьма непросто.

Остров Жофин носил свое название до 1918 года. В этом году кончилась Первая Великая мировая война. Австро-Венгерская монархия распалась, и возник ряд самостоятельных государств. 28 октября 1918 года была основана Чехословацкая Республика, которая в рамках борьбы с габсбургскими традициями решила заменить название Жофин новым, демократическим именем. В честь Славянского съезда остров стал **Славянским**. Официальное название появилось на всех картах Праги, в прессе, на афишах. Но старое короткое название Жофин заменить было не про-

сто. Залы не переставали быть центром культурной и общественной жизни. Парк был любимым местом прогулок и отдыха, а деревянные купальни в летний сезон навещали любители солнца и купания. До постройки системы больших плотин воды реки были гораздо теплее, чем сейчас, а зимой река замерзала, и пражане любили кататься на коньках. Теперь река летом холодная, а зимой теплее воздуха и не замерзает. С другой стороны, плотины задерживают воду, и наводнения не так часты, как раньше.

В XX веке в городе были построены новые здания с концертными и выставочными площадками и помещения на острове потеряли свою исключительность. Камерные залы стали привлекать другую публику. Танцевальный зал стали использовать Школы танцев и хороших манер. Бывали там часто **балы** выпускников средних школ и встречи различных обществ.

После войны был построен новый бетонный мост, но город долгие годы откладывал реконструкцию всех зданий на острове. В этот проект необходимо было вложить крупную сумму, т.к. были повреждены крыши, водосточные трубы, фасад и, прежде всего, изоляция здания. Наводнение 2002 года затопило большую часть острова и нижние этажи Жофина, унесло все деревянные постройки. Реконструкция после наводнения длилась долго, но теперь здание и парк опять красуются. Вернулось и прежнее название — Жофин, потерявшее свой габсбургский привкус.

На острове появилась новая детская игровая площадка и возобновленная детская **железная дорога**, работает ресторан. На северном конце острова с деревянной площадки ныряют в начале января пражские моржи, а летом там берут лодки на прокат.

Благодаря открытым границам Европы наш очередной познавательный выезд состоялся в близлежащую Саксонию, где нас интересовала крепость Кенигштайн и ее знаменитые разнообразные узники — от изобретателя фарфора Беттгера до русского анархиста Бакунина.

ТЕКСТ: ОЛЬГА ЧЕРКАШИНА
ФОТО: ВАДИМ ГРИВАЧ

ЗА КРЕПОСТНЫМИ СТЕНАМИ

Кенигштайн — древняя (возрастом около 750 лет) и очень красивая крепость, расположенная высоко над излучиной Эльбы, на горе, которая носит то же название — Königstein, что в переводе значит «королевский камень». Если в погожий день глянуть с самого верха, более чем с 200 метров высоты над рекой, то куда достанет взгляд, во всю ширь виден зеленый пейзаж Саксонии, а далеко на горизонте — и город Дрезден, хотя расстояние до него больше 20 километров. А в дни больших туманов, когда подножие горы затягивает белой поволокой, кажется, будто крепость парит в воздухе.

Первая запись о крепости Кенигштайн как территории Богемского (Чешского) королевства относится к 1233 году. Немцам (Саксонским) Кенигштайн стал гораздо позже, в 1400-е. И, собственно, крепостью он был не всегда: сначала это был замок, потом — монастырь, а в 1589 году по приказу курфюрста начали возводить полноценную крепость — устраивать в ней укрепления, казармы и казематы, в полной мере оценив удачное расположение. Да и нельзя было не оценить преимущества такого ландшафта: высокая гора, с которой далеко просматриваются все окрестности, судорожная река Эльба.

С развитием немецкой государственности — объединением княжеств в империю, а также с развитием артиллерии и военных технологий, крепость потеряла свое фортификационное значение, но стала использоваться в качестве тюрьмы или концлагеря. Крепкие стены кенигштайских сооружений, их надежная охрана — все это как нельзя лучше подходило для устройства тюремного учреждения. Сначала в нее помещали отдельных — особых — арестантов. Одним из таковых стал алхимик Беттгер, заключенный в XVIII веке. Именно здесь он изобрел европейский фарфор, так что можно сказать, что знаменитый на весь мир майсенский фарфор был рожден в неволе. Другим был русский анархист и профессиональный революционер Михаил Бакунин. Заключенным в Кенигштайне он оказался вследствие участия сначала в Пражском восстании 1848 года, а затем в Саксонском в 1849 году. В крепости он смог в полной мере оценить всю строгость надзора и суровую тюремную обстановку. Позже в застенках крепости уже массово сидели военнопленные — русские, французы, поляки.

Вышедший из «кенигштайских застенков» фарфор, положивший начало целой отрасли изготовления предметов высочайшего качества, одним из первых запечатлел художник Жан Этьен Лиотар,

написав в XVIII веке свою пастель «Шоколадница». «Шоколадница» оказалась связанной с крепостью Кенигштайн накрепко: во время Второй мировой войны она обнаружилась среди прочих произведений искусства из Дрезденской галереи, спрятанных немцами в подвалах этой крепости, дабы уберечь их от американских бомбардировок. То есть «Шоколадница» оказалось именно в том месте, где когда-то содержался в неволе создатель майсенского фарфора.

Само освобождение крепости Кенигштайн в 1945 году также примечательно. В советских и российских источниках можно прочитать чуть ли не о боях советской армии с вооруженными до зубов эсесовцами. Но в реальности все было проще: немецкий комендант сдал крепость своим же пленникам-французам, позднее лагерь заняли американцы и Красная армия.

Крепость Кенигштайн — очень популярный туристский объект. Путешественников неизменно поражает, что за грубыми крепостными стенами скрыты здания разных эпох, галереи, розовые сады, бронзовые пушки и каменный колодец глубиной 152 метра — второй по глубине колодец в Европе. Даже русский царь Петр I, который наезжал сюда два раза, не остался равнодушным ни к здешним красотам, ни к местному вину. ■

Бернардо Беллотто. Крепость Кенигштейн, 1756—1758. Холст, масло. Национальная галерея искусств, Вашингтон (США).

Самая живописная постройка крепости Кёнигштейн — Фридрихсбург. С 1955 года крепость была открыта для публики как музей под открытым небом.

Первоначально это была наблюдательная фланговая башня (1589). В 1731 году перестроена в павильон в стиле барокко.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Vocelova 603/3, 120 00 Praha 2
e-mail: ruslo@ruslo.cz
тел.: +420 221 419 830, fax: +420 266 053 149
Facebook — ruslocz
www.ruslo.cz

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Марина ДОБУШЕВА

КОРРЕКТОРЫ: Виктория РУЧКИНА, Мария ПЛИСЕЦКАЯ
ДИЗАЙНЕР: Анна ЛЕУТА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Татьяна АНИКИНА, главный редактор журнала «Слово нашим детям» (Прага)
Лукаш БАБНА, директор Славянской библиотеки (Прага)
Марина ДОБУШЕВА, главный редактор журнала «Русское слово» (Прага)
Игорь ЗОЛОТАРЕВ, директор издательства «Русская традиция» (Прага)
Алексей КЕЛИН, член Совета правительства ЧР по делам национальностей (Прага)
Александр ЛАЙКО, редактор журнала «Студия» (Берлин)
Анна ЛЕУТА, дизайнер издательства «Русская традиция» (Прага)
Юрий ПРОСКУРЯКОВ, писатель и журналист (Москва)
Анатолий РОЗОВ, общественный деятель (Брно)
Виктория РУЧКИНА, литературный редактор, корректор (Прага)
Юрий ФЕДОРОВ, политолог (Прага)
Сергей ФОКИН, ученый-исследователь (Пиза)

АДМИНИСТРАТОР САЙТА

И ДИСТРИБУТОР: Вадим ГРИВАЧ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА:

Общество «Русская традиция»
Vocelova 603/3, 120 00 Praha 2

ДИСТРИБУЦИЯ: Mediaprint & Kapa, CZ Press

ТИПОГРАФИЯ: Tiskarna Libertas a. s., Praha

Издаётся с финансовой помощью
Министерства культуры ЧР

RUSKOJE SLOVO

Periodikum ruské menšiny v ČR v ruštině.
Časopis je vydáván s finanční podporou
Mínisterstva kultury ČR

МК ЧР Е 13956
ISSN 1214-1771

Copyright: © Ruská tradice, o. s. издание
© авторы: тексты, иллюстрации, фотографии, дизайн
Использование любых материалов
только с разрешения редакции

ЦЕНА: 50 крон

ГODOVAYА ПОДПИСКА: 500 крон

ОБЛОЖКА: Татьяна Николаевна Машинская, 1920-е годы.
Частный архив Е. Недзведской.

ОБЩЕСТВО «РУССКАЯ ТРАДИЦИЯ»

ПРАЖСКИЙ МАНИФЕСТ КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ (КОНР)

к 70-летию провозглашения

14—16 НОЯБРЯ 2014 ГОДА

ПРАГА

МЕЖДУНАРОДНАЯ
КОН
ФЕРЕН
ЦИЯ

Манифест был провозглашён 14 ноября 1944 года в Праге на Учредительном собрании КОНР и являлся окончательным политическим оформлением Освободительного движения народов России (ОДНР), образовавшегося в ходе Второй мировой войны

Приглашаем историков-специалистов, журналистов, интересующихся вопросами Второй мировой войны и антибольшевистским движением

В программе конференции — доклады, выступления, дискуссии; посещение мест, где проходили бои подразделения РОА за освобождение Праги и мест их захоронений: Ольшанское кладбище, пригороды Праги

Заявки на участие в конференции принимаются до 1 сентября 2014 года

Контакты организаторов: ruslo@ruslo.cz, +420 774050745, www.ruslo.cz

РУССКОЕ СЛОВО